

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Юрий и Вера КАМЕНСКИЕ

ЧИНОВНИК ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ

Начать сначала — на осколках миров,
на задворках галактики.

**Вера Каменская
Юрий Каменский
Чиновник для
особых поручений
Серия «Современный
фантастический боевик (АСТ)»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43115819

Чиновник для особых поручений:

ISBN 978-5-17-116603-8

Аннотация

Знал бы старший лейтенант Станислав Сизов, куда его забросит Её Величество Судьба, возможно, бежал бы из Москвы в пустыню. Оказавшись в Москве образца 1911 года, Стас вдруг обнаруживает, что даже знание будущего и личное знакомство с сильными мира сего возможности расширяет не намного... Но как, скажите на милость, удержаться от искушения немного «подправить» грядущие события? Особенно если в друзьях одномоментно состоят и премьер-министр Столыпин и будущий «отец народов» Сосо Джугашвили... Вот и Сизов, не удержавшись, пытается вставить свои «пять копеек» в будущее России. И, ввязавшись в эту авантюру, с горечью убеждается, что слишком уж тяжело и неповоротливо пресловутое Колесо

Истории, чтобы крутить его туда и сюда. Тем не менее опускать руки наш Стас просто не приучен. И когда не хватает одного знания, на помощь приходят его профессиональные качества – интуиция, смекалка и хорошее знание человеческой природы. Дорогу, как известно, осилит идущий. И со временем выясняется, что не так уж непреклонна Судьба, как это может показаться на первый взгляд...

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	32
Глава 4	46
Глава 5	62
Глава 6	76
Глава 7	90
Глава 8	106
Глава 9	117
Конец ознакомительного фрагмента.	123

**Юрий Каменский,
Вера Каменская
Чиновник для
особых поручений**

© Юрий Каменский, 2019

© Вера Каменская, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Часть I

Неучтенный фактор

Глава 1

Из огня да в полымя

...С пустяка все, в общем-то, началось. Конечно, когда собираешься на «огнестрел», все семь чувств мобилизуются по полной. А тут делов-то, учительку допросить по мошенничеству. В числе прочих доверчивых дур дала деньги на дешевую черную икру. Ну, это же додуматься надо! Так, где эта умница преподает?

Стас заглянул в ежедневник. Гимназия № 1520... а, в Леонтьевском, рядом со старым МУРом. Сам-то он, конечно, этого не застал, здание в Большом Гнездниковском снесли еще до войны.

Погода была на удивление солнечная. Для московского марта явление, прямо скажем, нетипичное. Можно и пешочком пройтись, благо не так уж далеко, а то уже все легкие в кабинете прокурил.

Старший лейтенант Сизов сбежал по лестнице, предъявил постовому на выходе удостоверение и, открыв тяжелые двери, вышел на улицу. Солнышко светило уже по-весеннему, а

вот ветерок дул довольно свежий. Он, сощурившись, поглядел прямо на солнце, застегнул до горла молнию на куртке и медленно сошел по ступенькам.

Стайка смешливых студенток торопилась в стеклянную кафешку, окидывая его на бегу оценивающе-озорными взглядами. Следом степенно прошагал пенсионер в профессорских очках, ведя на поводке рыжую таксу с поседевшей мордой. С балкона ее гулко приветствовал басом черный дог, стуча хвостом по ограждавшим его свободу прутьям – видать, старые знакомцы. Бабуля, спеша к подъезжавшему на остановку автобусу, неловко задела его хозяйственной сумкой, и тут же ее саму чуть не сбил с ног скейтбордист, торпедой пролетевший мимо.

Где-то на грани слышимости завывала сирена «скорой помощи», спеша на вызов. В воздухе зависло сизое облако выхлопа от кативших волной машин – еще часок, и начнутся «пробки». У каждого свои дела и заботы, никому до него и дела нет. Неторопливо шагая по Страстному бульвару, Стас думал не о предстоящем допросе. Чего там голову ломать? Все просто. Из головы не выходила вчерашняя книга. Имя у автора было какое-то интересное – Мархуз... или фамилия такая? Он даже забил это слово в «Яндекс», узнав, помимо всего прочего, что это какая-то сказочная зверюга. Уже по этому было ясно, что писатель – большой оригинал.

Книга была написана в жанре альтернативной истории. Такое впечатление, что весь литературный мир просто поме-

шался на этой «альтернативке» – кромсают эту бедную историю кто во что горазд. Впрочем, «Старший царь Иоанн Пятый», не в пример другим сочинителям, написан был весьма занятно. И заставлял задуматься, если уж на то пошло. Хотя бы о том, что наша жизнь – это цепь сплошных случайностей. Вот, к примеру, заболеет он сейчас, и все дела, которые у него в производстве, достанутся Мишке.

Не в том даже дело, что сожитель по кабинету будет клясть его последними словами. Просто стиль работы у них очень разный. Михаил, прямой, как ручка от лопаты, работая с подозреваемыми, подавлял их волю. Нет, не кулаками. Битье – последнее дело, чистой воды профанация. Ну, заставишь ты человека протокол допроса подписать, и что? Посидит он недельку в камере, послушает опытных «сидельцев», с адвокатом поговорит – и пошла в прокуратуру «телега».

И не в том беда, что оперу прокурорские и «охотники за головами» ведро крови выпьют. Ее и по надуманным поводам сосут – только в путь! – а просто жулик в судебном заседании ту же песню споеет. И будет оправдан, это же вам не старые времена, ведь конец XX века на дворе. Гуманизация, гласность, плюрализм и еще бог знает сколько всякой модной светотени. Спасибо просвещенной Европе, можно подумывать, что до них мы щи лаптем хлебали.

Так что Бредбери, пожалуй, в чем-то был прав – если в меловом периоде раздавить бабочку, получишь на выходе другого президента. Другое дело, что никто этой закономерности

сти, конечно, не проследит и примет как должное. Еще и скажет с умным видом: «История не знает сослагательного наклонения». Это она сама вам доложила, что ли?

Визг тормозов хлестнул по нервам, заставив вскинуть глаза. Сверкающий радиатор «лэндкрузера» надвигался на него неотвратно, и время словно растянулось. Стас уже чувствовал тепло от двигателя, запах сгоревшего бензина, машина надвигалась медленно и неуклонно, как паровоз, идущий под уклон. Тело не успевало уйти с пути, а тут еще нога зацепилась за бордюр.... Он рванулся что было сил, и вдруг... прямо перед глазами возникла храпящая лошадиная морда, в лицо пахнуло едким лошадиным потом. Конец оглобли ударил в грудь, выбивая из легких остатки воздуха. Улица закружилась перед глазами. Последнее, что он услышал, падая на спину – это отборный мат.

...Приходя в себя, он почувствовал неприятный холод на лице, словно его уткнули мордой в подтаявший сугроб. Стас попытался смахнуть это холодное, но кто-то удержал его руку.

– Лежите, молодой человек, – произнес спокойный мужской голос.

В голове все еще продолжалось вращение, он открыл глаза и увидел склонившегося над ним человека с бородкой. Свет раздражал, и Стас опять смежил веки.

«Врач со скорой, – всплыла мысль. – Еще не хватало

в „склиф” загреметь. Вот хрен им: вроде не сломано ничего. Неделю продержат, а я потом дела лопатой разгребай. И откуда взялась лошадь?»

А люди, стоя над ним, обсуждали его так, словно его тут не было, или он уже умер.

– Видать, нездешний...

«С чего бы это? Коренной москвич, между прочим...»

– Мериканец, видать. Вишь, штаны строченые. Я одного такого видал...

«Это он о джинсах, что ли? Нашел, блин, диковину – джинсы в Москве... Деревня, что ли? Да их в любом селе...»

– Не помер бы...

«А вот хрен вам, не дождетесь».

Пересиливая себя, Стас открыл глаза и попытался сесть.

– Лежите, лежите, вам вредно шевелиться.

Опять этот, с бородкой.

– Мне лежать вредно, – буркнул Стас. – Времени нет.

Он с трудом поднялся, прислушиваясь к себе. Грудь, конечно, побаливала, но вполне терпимо. Отряхивая брюки, опер мельком бросил взгляд на стоящих рядом людей. То, что с ними «что-то не то», он понял сразу. Но вот что именно не то? Сознание постепенно прояснялось и потихоньку начинало давать оценку той информации, которую, не скупясь, подавали глаза.

Сейчас, конечно, самой странной одеждой удивить кого-либо трудно, но чтобы вот так, все сразу? Словно попал в

массовку на киносъемках о «старом времени». Естественно, что извозчик, стоящий рядом с пролеткой, одет, как извозчик начала века. И дама с мантией на плечах – ну прямо барыня с картинки, а рядом с ней открыла рот простецкого вида бабенка в плисовой юбке. Сопел и озадаченно скреб пятерней макушку пузатый дядька. Лезли на глаза вывески с «ять». «Ряженные», в свою очередь, пялились на него, как детсадовцы на новогоднюю елку. Сейчас, конечно, каких только сервисов нет... и шоу... кого сейчас этим «ретро» удивишь? Но куча логических нестыковок росла лавинообразно.

Вместо асфальта – брусчатка. По Страстному за все время проехала одна машина – такое же ретро, как и все вокруг. Разные там фаэтоны, пролетки... да и то не слишком много, в сравнении, разумеется, с тем потоком машин, который он видел минут пять-десять назад. И последней каплей – рослый городской, направляющийся именно к ним. В том, что это был настоящий городской, Стас даже не усомнился. Три гомбочки на шнуре – городской высшего оклада или унтер-офицер.

Это только в дурном чтении герой, оказавшись в непонятном месте, долго щиплет себя за все части тела, пытаясь проснуться. Если человек не пьян и в своем уме, спрашивается, к чему лишние телодвижения? И так ведь видно, что это явь, а не сон. Веди себя соответственно обстановке, потом разберешься, как тут оказался. Когда будет время. Если будет.

– Что случилось, господа? – Городовой вежливо приложил пальцы к козырьку.

– Дык, это... – замялся извозчик.

– Господин городской, – выступила вперед дама в мантию, – вот этого господина иностранца сбила лошадь вот этого извозчика.

Глядит победно, нос кверху – ни дать ни взять отличница, «сдающая» училке шалунов-одноклассников. Ну, погоди, зубрилка...

– С чего вы, собственно, взяли, что я иностранец? – пожал плечами Стас. – К вашему сведению, я потомственный москвич.

– Ну, вы так одеты, – стушевалась дама. – Я прошу прощения, конечно...

Городовой, повернувшийся к извозчику, замер и вновь обратил взор на Стаса.

– Действительно, сударь, одеты вы, прошу прощения, более чем странно.

С легкой руки «совковых» писателей облик городского царской России сформировался как стереотип гоголевского Держиморды – эдакий здоровый бугай, причем обязательно хамоватый и не дурак кулаком в рыло зарядить. И сейчас Стас с интересом разглядывал унтера. Ну, разве что здоровый, конечно: рост за сто девяносто, это точно. Литые плечи, ни грамма лишнего веса, кисти рук (именно они очень многое говорят об уровне подготовки) как у хорошего бойца –

широкое запястье, крепкая ладонь, пальцы сухие и сильные.

В остальном, как говорится, с точностью до наоборот. Держится, как профессионал – уверенно, но без хамства. Глаз цепкий, как у хорошего опера. Когда он окинул Стаса быстрым взглядом, тому, грешным делом, показалось, что он и ствол под курткой засек. Хотя, по идее, не должен бы...

– Будьте любезны, господин москвич, предъявить мне свой паспорт. И вы документы свои несите, – это уже извозчику.

Тот вздохнул и покорно поплелся к пролетке.

– Ну-с...

– Паспорта у меня с собой нет, – спокойно ответил Стас, лихорадочно соображая, стоит ли предъявлять служебное удостоверение. «Ксива» действительна до 1995 года. Трудно предсказать реакцию городского на такой документ. Ни черта, конечно, не понятно, но то, что он каким-то макаром провалился во времени – печальный факт. «Бритва Оккама» сбоев не дает – ничем другим происходящее объяснить было нельзя.

– Ну, что ж вы так-то... – Полицейский укоризненно покачал головой. – Разве вам неизвестно, господин...

Он вопросительно посмотрел на Стаса.

– Сизов Станислав Юрьевич.

– ...господин Сизов, что при ношении оружия паспорт обязательно нужно иметь при себе? Это же у вас пистолет под курткой, я не ошибаюсь?

Пока он произносил эту тираду, Стас уже прокачал вариант – как ему в этой дурацкой ситуации поступить.

– Господин городской, у меня есть служебное удостоверение. Но, боюсь, если я его предъявлю, ситуация запутается еще больше.

– И что вы предлагаете?

По глазам полицейского было видно, что он тоже прокачивает возможные варианты.

– Я прошу вас сопроводить меня в полицейское управление. Это ведь рядом, если не ошибаюсь? К господину извозчику у меня претензий нет. Но его данные я бы записал, на случай, если вы в моем рассказе усомнитесь.

– Гм, – хмыкнул унтер. – Нечасто, надо сказать, меня самого приглашают пройти в управление. Обычно бывает наоборот. Запоминать извозчика нужды нет, потому что он нас и доведет. Не так ли, Артем Ефимыч?

– Дык, мы завсегда, – просиял возница, у которого после слов Стаса, было видно, камень с души свалился. – Прошу!

– Вы позволите мне сесть вперед? – любезно поинтересовался у стража порядка Стас.

Он предпочел не дожидаться приглашения унтера. Ежу понятно, что тот спину не подставит.

– Сделайте одолжение, – чуть заметно усмехнулся тот.

«Не задержание, а прямо светский раут какой-то, – подумал Стас, усаживаясь на мягкое сиденье. – Цирлих-манирлих».

Городовой, придерживая шашку, уселся напротив, извозчик свистнул, и под цокот кованых копыт пролетка проворно свернула в Большой Гнездниковский.

«Вот же занесла нелегкая, – мелькнуло в голове. – И что родителям сообщат? Пропал без вести при исполнении?»

А может, его обратно в свое время перекинет? Нечто подобное он краем уха слышал... или читал... и, что самое смешное, зафиксированы такие случаи были именно в царской жандармерии, да еще парочка за границей – кажется, в Англии.

...Как и ожидал опытный опер, пролетка остановилась не у главного крыльца.

По знаку городского извозчик придержал лошадей у незаметного подъезда.

– Всего вам, ваше степенство, – пожелал он в спину Стасу.

– Ждите здесь, – обронил унтер. – Вас вызовут. Проходите, пожалуйста.

Они прошли длинным коридором, поднялись по лестнице, прошли еще одним коридором, затем снова спустились.

– Сюда, – указал городской на тяжелую дверь из темного дерева.

Войдя, Стас сразу понял, что его привели в дежурную часть. Попади он в любое государство, дежурку ни с чем не спутаешь. Те же запахи, те же звуки, за стойкой – к бабке не ходи – дежурный. И плевать, что форма на нем не серая, а звезд между двумя просветами не одна, а две. Один взгляд,

брошенный на них, едва они шагнули через порог, сказал все. Повинуясь жесту городского, Стас присел на деревянную лавку рядом с барьером. Мысленно усмехнулся, приметив за стопкой бумаг, на тумбочке, медный чайник.

– Кого привел, Семенов? – Привстав, дежурный с любопытством оглядел Стаса (смотрел, конечно, в основном на одежду).

– Непонятный случай, господин пристав, – сдержанно произнес городской.

– Угу, – буркнул тот. – У меня этих случаев полный «сочинчик». Пиши донесение и шагай на пост. Дойдет очередь, разберусь.

– Извините, господин пристав, – твердо сказал Семенов. – Случай, действительно, неординарный. Господин Сизов, покажите нам свое удостоверение, сейчас самое время. И pistolетик ваш, будьте любезны.

Стас, изрядно вспотевший в кожаной куртке, вжикнул «молнией» и, достав красную корочку, подал ее Семенову. Тот, не спуская с него взгляда, передал документ приставу. Затем опер плавным движением расстегнул «оперативку» и, медленно вытянув двумя пальцами родной ПМ, протянул его городскому. Тот с удивлением осмотрел pistolет.

– А я-то думал, что все оружие знаю, – озадаченно посмотрел он на дежурного. – Приходилось вам видеть такое?

– Это что, бельгийский? – спросил пристав, взяв оружие у Семенова.

– Русский, – криво улыбнулся Стас.

Как ни просчитывал он свое положение, все равно выходило безрадостно. Исход варьировался от «плохо» до «полный п. дец». Что не радовало, конечно.

– Это где у нас такое? – услышал он и поднял голову.

Дежурный пристав, раскрыв его служебное удостоверение, пялился в него, как та коза на афишу.

– Министерство внутренних... Эс-эс-эс-эр... и печать какая-то странная....

– Действительно до восьмого августа тысяча девятьсот девяносто пятого года, – прочитал Семенов и посмотрел на Стаса. – Да, сударь, вы были правы, пригласив меня сюда. Ну, я все-таки надеюсь, что вы как-нибудь сможете это объяснить.

– Объяснить-то не вопрос, – хмыкнул тот, решив плюнуть на все и идти, что называется, «ва-банк». – Сможете ли вы поверить моим словам?

– Ну, я тут столько сказочников уже видел, – хмыкнул пристав. – Одним больше, одним меньше....

И Стас рассказал. Спокойно, не торопясь, по порядку. Когда он назвал свой год рождения, оба слегка приподняли брови. После эпизода с джипом и сменившим его извозчиком дежурный кивнул Семенову на дверь, и тот, не проронив ни звука, вышел. Вернувшись минут через десять, он положил на стол дежурного густо исписанный бланк.

– Извозчик полностью подтверждает, что сей господин

возник из ниоткуда прямо посередине улицы. – На вопросительный взгляд пристава он добавил: – Договориться они не могли. Господин Сизов в сознание приходил на моих глазах. Да, и....

Городовой махнул рукой. Это и без слов было понятно – на кой ляд извозчику это надо?

– Ну, и что делать прикажете? – потер щеку дежурный. – Решительно теряюсь....

– Вы можете мне сказать, – нарушил паузу опер, – какое сегодня число? И какого года?

– А, ну да, – кивнул пристав. – Ваш интерес понятен. Двадцать седьмое августа тысяча девятьсот одиннадцатого года.

– Ладно, господин пристав, пошел я на пост. История, конечно, интересная, но недосуг.

– Иди, иди, Семенов. И в самом деле...

– Прощевайте, господин Сизов. Надеюсь, увидимся еще. Очень мне хочется поспрашивать вас кое о чем. Если не возражаете, конечно.

– Не возражаю, – вздохнул Стас. – Куда я теперь денусь....

Когда за городовым закрылась дверь, он вдруг хлопнул себя по лбу.

– Погодите, господин пристав... у вас ведь Кошко Аркадий Францевич командует?

– Статский советник Кошко – глава нашей полиции. Значит, сохранилось его имя в анналах истории?

– Сохранилось, – кивнул Стас. – А правда, что к нему на

прием любой человек с улицы попасть может?

– Правда, – кивнул тот.

– Нужно мне кое-что важное ему сообщить. Как вы понимаете, мне многое известно.

– Понимаю, – посерьезнел пристав. – Ежели вы, господин Сизов, не мистификатор, от вас большая польза выйти может. Сейчас вас проводят. Корнев!

Из смежного помещения вышел высокий молодой человек, одетый, как щеголь.

«Рубите мне голову, если это не опер», – поймав быстрый изучающий взгляд, подумал Стас.

– Корнев Владимир Иванович, сыщик, – представил его дежурный. – А это господин Сизов Станислав Юрьевич, наш коллега. Владимир Иванович, проводи господина Сизова к Аркадию Францевичу. Я его по телефону предупрежу.

Они снова отправились в путешествие по длинным коридорам. На сей раз шли недолго. Корнев несколько раз незаметно, как ему казалось, бросал любопытные взгляды на одежду Стаса, но не заговаривал.

Наконец они остановились перед дверью, на которой красовалась металлическая табличка со словом «Приемная». Открыв ее, сыщик пропустил опера вперед. Сидящий за столом полицейский офицер при их появлении вежливо встал.

– Это вы – господин Сизов? Аркадий Францевич ожидает вас.

Глава 2

Сыщик и опер

Ну прямо как в кино! Портрет царя Николая на стене, тяжелые бархатные шторы и соответствующая времени обстановка – полный антураж. Из-за массивного стола навстречу ему поднялся высокий плечистый мужчина с пышными усами – в точности как на портрете в книге.

– Здравствуйте, Аркадий Францевич.

– Присаживайтесь, пожалуйста! – Русский Шерлок Холмс радушным жестом показал на кожаное кресло. – Как вас прикажете величать? Спасибо, Владимир Иванович, можете быть свободны.

Молодой сыщик, положив перед наальником пистолет и удостоверение, неслышно исчез за дверью.

– Итак?

– Стас. Станислав Сизов. Сыщик.

– А, коллега... – Кошко, раскрыв удостоверение, внимательно изучал его. – Оперуполномоченный, хм... что за странная должность, право слово....

– Что тут странного? – пожал плечами опер. – Хотя да... опер – упал – намоченный. Это у нас так прикалываются... шутят, в смысле.

– Забавно, – хохотнул сыщик. – Упал – намоченный! Умеет русский народ что-нибудь эдакое вывернуть....

– Раньше вообще-то нас звали инспекторами уголовного розыска.

– Ну, гораздо благороднее звучит, – одобрительно кивнул статский советник. – А то упал – намоченный... дурной вкус. Вы в каком году свет увидели, господин Сизов?

– В шестидесятом, – ответил Стас и, уже ответив, сообразил, что матерый сыщик попросту заговаривает ему зубы. – В тысяча девятьсот шестидесятом.

– И пистолет ваш изготовлен аккурат в год вашего рождения, – задумчиво сказал Кошко. – Прямо тебе Герберт Уэллс. И что, машина времени изобретена? Нет, судя по вашим показаниям.

– Нет, не изобрели еще.

– Я так и понял. Знаете, что мне нравится во всем этом происшествии, так это полнейшая его нелепость.

– Ну да, – кивнул Стас. – Выдумать можно было и чего-нибудь пополезнее.

– Вот именно, – кивнул знаменитый сыщик. – Пополезнее, верно изволили заметить. Ничего, кроме головной боли, вам эта история не сулит.

– Это уж точно, – буркнул опер.

Аркадий Францевич потер лоб.

– Рассуждая меркантильно, для вас сие приключение – как зайцу курево, а вот для меня, как для сыщика, это дар свыше... Вы, смею надеяться, в гимназии по истории Отечества хорошо успевали?

– Успевал, – с кривой усмешкой кивнул Стас, вспомнив учебник «История СССР». – А самое главное, сам потом по истории нашей книги читал. Для вас я, конечно, ценный источник информации, козе понятно.

Кошко, конечно, отметил сарказм, прозвучавший в ответе собеседника, но никак на это не прореагировал, только бровь чуть заметно поднялась.

– И про меня память сохранилась?

И по тому, как он это спросил, Стас понял, что вопрос не праздный.

«И тебе ничто человеческое не чуждо», – ухмыльнулся он про себя.

– Про вас помнят, – кивнул он. – Вас ставят нам в пример. Вас называют русским Шерлоком Холмсом.

– Приятно, конечно, слышать. Но я совсем заговорил вас, прошу прощения.

Он снял телефонную трубку.

– Сергей Иванович, будьте любезны, закажите в ресторане обед на две персоны. Нет, сюда. Благодарю вас.

– Ну вот, – улыбнулся Кошко. – Сейчас отообедаем, чем Бог послал, а потом, уж не обессудьте, вы мне расскажете о вашем прошлом, а я послушаю про наше будущее, прошу прощения за каламбур.

...Статский советник аккуратно промокнул усы хрустящей салфеткой. Адъютант внес накрытый салфеткой поднос,

на котором стоял накрытый чайник, серебряная сахарница и два чайных стакана в подстаканниках.

– Благодарю, Сергей Иванович.

Кивнув, офицер неслышно исчез за дверью.

– Чай, я полагаю, в России пить не перестали? – поинтересовался Кошко, наполняя стаканы темным, как деготь, напитком.

– Не перестали, – кивнул Стас, отхлебывая из стакана. – Такого, правда, редко попить удастся. Спешка, гонки. Пакетики больше.

– Шелковые, как у китайцев, что ли?

– Бумажные, – тяжело вздохнул опер.

– Бумажные? – удивился сыщик. – Ну, это, воля ваша, моветон чистейшей воды. Как можно?

– Бог с ним, с чаем, – решительно мотнул головой Стас. – Есть дело, которое отлагательства не терпит. Через четыре дня, в Киеве, студент Дмитрий Богров выстрелом из револьвера убьет Петра Аркадьевича Столыпина.

– Подробности помните? – Кошко сразу подобрался, как перед прыжком.

– Царь со всем двором будет находиться в Киеве. Там же, естественно, будет и премьер-министр.

Стас рассказывал сухо, коротко, отстраненно. Эмоции кончились, началась работа.

– Начальник Киевского Охранного отделения... по-моему, фамилия – Кулябко...

Кошко молча кивнул.

— ...от своего агента Дмитрия Богрова получил информацию, что ночью в Киев прибыла женщина, на которую боевой дружиной возложено произвести террористический акт — убийство Столыпина.

Богров сказал, что знает ее в лицо и поможет, если что, опознать. Кулябко выписал ему пропуск в театр. Богров прошел туда и произвел в премьер-министра два выстрела из револьвера. От мгновенной смерти того спас орден, в который попала пуля. Изменив направление, пуля миновала сердце. Пятого, если не ошибаюсь, сентября, Столыпин умрет в больнице. Говорят, существовала версия, что Богров выполнял задание охраны.

Все время, пока Стас рассказывал, сыщик слушал его не перебивая. За все время он не задал ни одного вопроса. Когда опер замолчал, Кошко долго сидел, что-то обдумывая. Стасу нетрудно было просчитать ход его мыслей. Он сам, оказись на месте Кошко, пробивал бы два направления. Первое — не является ли его странное появление частью гигантской дезы? Непонятно, конечно, с какой целью, но когда ясно станет — поздно будет. В политике порой такие многоходовки прокручивают, гроссмейстер курит! А второе — если это правда, то как убереечь премьера, который по жизни советов не слушает, а прет, как бык на красный свет? Задача не для первого класса, прямо скажем.

— Значит, есть такая версия, что начальник жандармско-

го отделения этому поспособствовал? – сказал наконец Аркадий Францевич. – Кулябко, конечно, бурбон и дурошлеп, каких поискать... но человек честный.

– У меня такое впечатление, что его попросту переиграли, – решился вставить Стас.

Кошко молча кивнул, продолжая что-то обдумывать.

– Значит, так, господин инспектор... кривить душой не стану, есть у меня соображения на ваш счет. Как «про», так и «контра», уж не обессудьте. Коли сами сыщик, то, стало быть, знаете, что в нашем проклятом ремесле доверие дорогого стоит... Но ставки больно высоки. Потеряем Петра Аркадьевича – Россию просрем, прошу прощения.

Он испытующе посмотрел на опера. Стас молчал. Прав был известный сыщик, чего уж там.

– Сделаем мы вот что, – продолжил Кошко. – Я назначаю вас чиновником для особых поручений. Формальности наверху утрясу сам, это моя печаль. Но коли окажется, что вы, сударь, мистификатор, не обессудьте – застрелю сам.

– Я согласен, – спокойно сказал Стас. – О Столыпине и у моих современников такое же мнение. Только главная беда не в террористах, а в царе. Слабоват ваш самодержец, вы уж извините, если чего нарушил невзначай.

– Он уже не только наш, но и ваш тоже, – с нажимом сказал сыщик. – И «нарушил», смею заметить, не то слово. Впредь советую думать.

– Вот вы и додумались, – непримиримо буркнул Стас. –

Премьера грохнула, потом сообщая России большевикам слили. А через восемьдесят лет опера в кабинетах вешаться начали, потому что семья голодом сидит, а зарплату по три месяца не платят.

Его понесло. Но вызывающий взгляд опера натолкнулся на растерянные глаза великого сыщика. Там была такая неприкрытая боль, что Стасу стало стыдно.

– Как такое может быть? – тихо спросил Кошко.

– Простите, – Стасу стало нестерпимо стыдно, словно маленького ребенка по лицу хлестанул. – Простите меня, Аркадий Францевич. У нас там последнее время не все благополучно было. Вам рассказать – не поверите. Да, и не стоит, наверное....

– Стоит, – твердо сказал сыщик. – Но об этом позже. Коли все так, как вы говорите, это поломать надо. Но сейчас главное – Петра Аркадьевича уберечь. Вы, как, – перевел он разговор в более насущное русло. – Свое оружие предпочитаете или из нашего арсенала лучше взять? Боюсь, что такого типа патронов сейчас не найти. Разве что...

Он, осмотрев ПМ, умело отжал защелку, вытащил магазин и, выщелкнув патрон, покрутил в пальцах.

– ...от парабеллума Борхард-Люгера подойдет?

– Нет. Этот на миллиметр короче. И тип другой. Вот парабеллум я бы взял. Можно?

– А почему нет? – пожал Кошко могучими плечами. – Парабеллум так парабеллум. Ну и переодеться, конечно, нуж-

но. В эдаком-то виде вас бог знает за кого примут. При вашей новой должности неуместно, знаете ли.

– Да кто спорит! – согласился Стас. – Только вот наши деньги тут не в ходу, а ваших у меня, сами понимаете, нет.

– Позвольте полюбопытствовать.

Сыщик взял протянутую двадцатипятирублевку, внимательно ее осмотрел, потер лоб.

– Вот этот профиль мне, воля ваша, кого-то напоминает.

– Ну да, – ухмыльнулся Стас. – Сейчас-то он, пожалуй что, в розыске. Владимир Ильич Ульянов–Ленин, основатель первого в мире государства рабочих и крестьян.

– Основатель государства? – безглаголиво покривил губы Кошко. – Адвокатишка этот, социалист?

– Вот потому они вас и сожрали, – безжалостно сказал опер. – Не принимали вы их всерьез. А они с вами либеральничать не будут. Ладно, не ко времени эта тема, потом расскажу со всеми подробностями. Про сон дня на три забудете, ручаюсь.

...Через два часа старший лейтенант милиции Сизов, а ныне чиновник для особых поручений при главе российского сыска входил в кабинет Кошко. На сей раз он был одет в серый двубортный костюм из шерстяной ткани. Одежда, в принципе, не слишком-то отличалась от той, к которой он привык. За исключением разве что котелка. Но в эти годы появляться на улице без головного убора было решительно

не принято.

В кармане лежала солидная пачка денег и документ, удостоверяющий, что Сизов Станислав Юрьевич вам не абы кто, а о-го-го. И как завершающий штрих его нового положения – новенький парабеллум, привычно засунутый за ремень брюк.

– Проходите, Аркадий Францевич вас ожидает, – сообщил адъютант.

– Благодарю вас, Сергей Иванович, – вежливо отозвался Стас, открывая двери.

Уже на самом пороге он быстро глянул через плечо и поймал взгляд, полный неприязни. Да, не любит его адъютант, это ясно, так что и к бабке не ходи. Хотя с чего бы, кажется? Или он всех не любит, кто к его шефу слишком приближен?

– Ну вот, совсем другое дело, – приветствовал его статский советник. – Сейчас подадут машину. Поужинаем в поезде, время дорого.

...Привокзальная площадь встретила их звонкими воплями мальчишек, продающих газеты, которые лихо лавировали меж публики, и криками бойких лоточников, предлагавших горячие, с пылу с жару, пирожки, бублики и прочие печеные вкусности.

На перроне все было чинно – звон колокола, отметившего прибытие состава, пыхтение паровоза, окутанного шипящим паром. И никакой тебе суеты и нервозности при посадке в

вагоны. Носильщики в фартуках таскали чемоданы, баулы и саквояжи отбывающих пассажиров под ленивым взглядом дежурного.

А перрон жил своей жизнью. Грудной смех дамы в длинной накидке и галантный поклон провожавшего ее офицера. Веселый щебет малышей, которые под присмотром тещей татап и дородной няньки проследовали в соседний вагон. Чопорный немец важен и невозмутим, а следом семенит «колобок» в котелке и при монокле. На него насмешливо поглядывают молодые офицеры и весело смеются, полные молодости и юношеской бесшабашности. Ага! Сделали стойку на миловидную девицу. М-да, ничто не ново в этом мире!

Раздался первый удар колокола, и провожающие покинули вагоны. На второй удар паровоз ответил свистком и запыхтел, выбрасывая в небо клубы дыма. Поезд вздрогнул, дернулся и, сдвинувшись с места, стал набирать ход. Стас, думая о своем, провожал взглядом уплывающий перрон. Заглянувший в дверь кондуктор вежливо поинтересовался, не изволят ли господа откусать чаю или предпочитают пройти в ресторан. Однозначно, здесь обслуживание пассажиров на должном уровне, это вам не брезгливо-хамский сервис из его времени.

Он постепенно вникал в жизнь этой России и ловил себя на мысли, что ему искренне жаль терять ее такую... За окном вагона проплывала черная, как чернила, ночь с редкими огоньками полустанков.

– Поверьте, Станислав, – вздохнул Кошко, добавляя по чуть-чуть коньяка в стаканы с чаем. – Я ведь старый сыщик, битый-перебитый. То, что вы мне правду говорите, я и так вижу. Не могу понять – продолжал он, – как так могло случиться, что государь вообще с этой, прости Господи, швалью, в переговоры вступал? В девятьсот пятом всех этих робеспьеров один Семеновский полк разогнал, как ветер осенние листья. Где же лейб-гвардия была? Только не говорите, что и они измене предались.

– Не предались, – грустно покачал головой Стас. – Сгинули в Пинских болотах. Он их сам туда направил. Вот так-то, Аркадий Францевич.

Этому диалогу предшествовал долгий рассказ. Стас, щадя сыщика, провел экскурс в отечественную историю. Правда, про самые крайние моменты – про сажание священников на кол и прочее средневековье – он, пожалев нервы собеседника, слишком-то не распространялся. Кошко за глаза хватило и того, что он слышал. Про разгул терроризма он и так был в курсе. Про русско-германскую войну тоже слушал спокойно. Рассказ про расстрел царской семьи заставил статского советника стиснуть зубы, только желваки заходили на скулах.

Опер, глядя на неподдельное замешательство статского советника, уже стал задумываться – во зло или во благо его появление здесь? Юношеским максимализмом он давно уже не страдал. И про бабочку Рея Бредбери помнил хорошо. А также знал, куда ведет дорога, вымощенная благими на-

мерениями. Одно он понимал прекрасно – полного понимания ситуации от здешних он не добьется. Монархисты будут верны царю, независимо от того, во зло или во благо это обернется для России. Революционерам, тем вынь да положь свержение самодержавия, и никаких гвоздей. А потом друг за друга примутся, как пауки в банке.

Интересно, чиновник для особых поручений – достаточно ли большая «шишка» для того, чтобы начать свою игру?

«Да нет, – мысленно одернул он сам себя. – С ума сошел, что ли? Дешевле между Сциллой и Харибдой втиснуться. Там и то шансов больше. Да что там... если уж говорить о шансах, их у меня как у мышки меж двух жерновов».

– Ладно, коллега, – зевнул Кошко. – Давайте спать, пожалуйста. В Киев только завтра вечером прибудем, а государь придет дней через пять-шесть. Так что время, я думаю, у нас есть. Да, как вам здешние удобства? У вас-то, поди, прогресс шагнул так далеко, что нам, темным, и не снилось?

– Как вам сказать, – уклончиво ответил Стас. – Я же в генеральских вагонах не ездил. В простых, само собой, такой роскоши нет. Но поезда, конечно, быстрее ходят. Спокойной ночи, ваше высокопревосходительство.

Он понемногу начинал вращаться в эту новую старую жизнь.

Глава 3

Вокруг да около

...Поезд прибыл в Киев, когда уже начало смеркаться. Путешественники вышли на перрон. Правда, было еще достаточно светло, и фонари не горели.

Когда они вышли на привокзальную площадь, к ним лихо подкатила пролетка.

– Куда изволите, господа?

Стас оглянулся на Аркадия Францевича – он и в прежней жизни в Киеве никогда не был.

– На Фундуклеевскую, в «Эрмитаж», – небрежно бросил тот, усаживаясь на сиденье.

– А что, извозчик не знает, на какой улице гостиница? – тихонько хмыкнул Стас.

– Чтобы кругами не катал, как приезжих, – отмахнулся Кошко, думая о чем-то своем.

Оказывается, трюки таксистов родились до появления собственно такси как такового. Вот уж воистину, ничто не ново под Луной.

Поняв, что статскому советнику не до него, Сизов откинулся на мягкое сиденье, с интересом разглядывая улицы, по которым их вез извозчик. Они не слишком-то напоминали те старые хроники, которые ему приходилось видеть. Может, потому, что черно-белые фильмы с неестественно спе-

шащими персонажами мало напоминали вот эти улицы с живыми и спокойно идущими по своим делам людьми. Скорее это походило на изображение из художественного фильма. Строго говоря, эти улицы, что называется, глаз не цепляли – все обыденно, разве что прохожие одеты чуть иначе, да разные там пролетки и кареты вместо автомашин.

Они вышли возле гостиницы «Эрмитаж», никем не встречаемые, и прошли внутрь. В огромном холле, за стойкой, скучал портье. При их появлении он мгновенно сбросил с себя сонную одурь и уставился на вошедших с величайшим вниманием.

– Номер на двоих, – бросил Кошко, небрежным жестом подавая паспорт.

Стас подал свой, мельком отметив, что паспорт сыщика выписан на имя мещанина Фадеева Ивана Петровича. Повидимому, и здесь хватало интриг между службами. Если так, задача их усложняется на порядок – вряд ли глава здешней жандармерии примет их с распростертыми объятиями и будет обсуждать с ними свою агентуру.

«Я бы точно не стал», – честно признался сам себе Стас, шагая за начальством по ковровой дорожке в номер.

В процессе дальнейшего обсуждения деталей операции выяснилось, что он был абсолютно прав в своих подозрениях.

– Кажется, одно дело делаем, – с досадой говорил шеф российского сыска, расхаживая со стаканом чая в руках по

роскошному номеру. – Ладно бы оно касалось чего-то действительно секретного.

Стас хмыкнул.

– То, что эти рэ-эволюционеры, – Кошко произнес это слово с невыразимым презрением, – стучат жандармам друг на друга, как очумевшие дятлы, – секрет полишинеля. Надеюсь, хотя бы вам, в конце XX века, незнакомы эти беды?

– Какое там! – вздохнул опер. – Как бы еще не хуже, чем у вас.

– Как? – пораженный, Кошко встал, как изваяние. – Стоп! Разве я неверно понял, что у вас там... м-м... государство рабочих и крестьян, так?

– Так, – обреченно кивнул Стас, чувствуя себя лектором, которого обязали втолковать младшей группе детского сада, чем просто коммунизм отличается от военного коммунизма.

– А кто у вас там революционирует, позвольте полюбопытствовать? Что там, у рабочих и крестьян, свои парии и патриции появились?

– Вы удивительно точно выразили суть проблемы! – Сизов криво усмехнулся. – Впрочем, они никуда и не девались.

– Да-а... – покачал головой сыщик. – Бедная Россия... Похоже, не суждено ей долго жить без потрясений.

– Ну, кто предупрежден, тот вооружен.

– Что?! Что вы хотите сказать?

У статского советника Кошко был такой вид, словно его ткнуло по темечку ньютоново яблоко. Опер смотрел на

него с усмешкой. Едва он окончательно осознал, что попал в этот мир всерьез и надолго, пришло понимание того, что если можно остановить убийство Столыпина, почему бы не остановить революцию?

Как бы ни вздорно это звучало, задача не показалась ему безнадежной. Трудной, почти невозможной – да! Но, как у нас говорят, «чуть-чуть» не считается. Стас, конечно, не был каким-то там идеалистом, какое там! Скорее, решая какую-то задачу, он становился прагматичным до безобразия. Но, как это ни парадоксально, среди сослуживцев старший лейтенант Сизов слыл безбашенным идеалистом. По той простой причине, что опера, «напавшего на след», не могло остановить ничто, кроме разве что прямого приказа. Да и то... Прыжки с крыши на крышу, проникновение в квартиру через балкон на седьмом этаже и прочие подвиги создали ему репутацию, которой он, как трезво оценивал сам Стас, ни в коей мере не заслуживал. Лучше всего, пожалуй, его характеризовал один случай. Тогда в крупных городах России как раз набирали силу подростковые банды. Драка «район на район» была в то время обычным делом. Он заступил дежурным по отделению, а вечером ему по «прямой связи» дежурный по городу сообщил, что навстречу друг другу движутся две большие группы подростков, и предполагаемая встреча должна произойти именно на их территории. ОМОН поднимать поздно – успеют разве что уже к разгару побоища. К тому же дети... Черт его знает, действительно ли «городо-

вой» считал, что спецназ поднимать нецелесообразно, или просто «отмазывался», потому что проспал это дело! Стас в это вникать не стал – какая теперь разница? Чем дежурный по отделению может отреагировать на массовую драку? Да ничем. Это прекрасно понимали оба, просто один «сливал» ответственность на другого. И у этого «другого» выхода было два. И оба тупиковые: ни хрена не делать, сославшись на то, что в его подчинении на момент поступления информации были только помдеж и водила, либо выехать туда одному и стать жертвой группового нападения. Даже если повезет остаться в живых и сохранить табельное оружие (если, конечно, можно поверить, что любопытные малолетки не станут забирать оружие у лежащего трупом мента), долгое отписывание в прокуратуре по разным глупым вопросам.

Однако Стас поступил до безумия просто. Взяв из ружья автомат, он оставил на своем месте помдежа и выехал на ту самую «точку randevu». Ему повезло – он точно рассчитал, что «сходняк» разразится аккурат во дворе школы. Въехав туда, он спокойно вышел из машины и, поглядев на то, как с двух разных концов через заборы уже начали прыгивать «передовые», так же спокойно подал команду «разойдись!» и дал очередь вверх. Подростки брызнули врассыпную, и инцидент, таким образом, был исчерпан.

Трудно сказать, чего тут было больше – везения или расчета. Сам Стас придерживался второй версии. Руководство и сослуживцы, как и следовало ожидать – первой.

– Как ты мог додуматься – на детей с автоматом? Ты с ума сошел, что ли? – в ужасе вопрошал его потом начальник отделения.

– Евгений Савельевич, – невозмутимо отвечал Стас. – Все было рассчитано: пока драка не началась, они еще соображали. Они же не дураки – на автомат кидаться. Наоборот – на них мент с автоматом вышел! Это же приключение – они гордиться этим будут, друзьям пересказывать. И цена этому делу – три акаемовских патрона. И потерпевший один-единственный.

– Кто?! – в ужасе вскричал «Бивень» (как звали за глаза шефа).

– Помдеж, – ухмыльнулся Сизов, – ему автомат чистить пришлось. А если бы я их не остановил, их бы куда больше было.

Победителей, как правило, не судят, и все обошлось устным «скрипом» начальства и от коллег – порицаниями в матерной форме. Здесь, конечно, ситуация посложнее. Стас прекрасно понимал, что революция – это не толпа пьяных матросов, под настроение взявших Зимний. Любая революция – это, во-первых, большие деньги. Он знал, что большевиков, меньшевиков, эсеров и прочих весьма интенсивно финансировали со стороны. Причем не только иностранные разведки, которым стабильная Россия нужна была, как чирей на заднице. Столь ненавистные пролетариатом буржуи, которых рабочие и крестьяне потом вождеденно стреляли и

развешивали по фонарям, тоже в этом поучаствовали – будь здоров! Понять их, конечно, можно. Устроить буржуазную республику вместо набившего оскомину самодержавия – вот на эту морковку и повелись промышленники. Недооценили они большевиков, чего уж там. И Стас тоже прекрасно понимал, что проигрывает тем по всем позициям, кроме одной-единственной – он знал прикуп.

И потому, глянув в ошарашенные глаза великого сыщика, он широко улыбнулся.

– Я хочу сказать, что у нас с вами есть шанс спасти Россию.

И, взяв бутылку, вопреки всякому этикету, набуровил себе коньяку прямо в чайный стакан и махнул его одним глотком.

...Поутру статский советник Кошко отправился с визитом к начальнику Киевского жандармского отделения Кулябко.

– Ох, знали бы вы, Станислав, как не хочется мне визит этот наносить, – вздохнул он.

– Догадываюсь, – кивнул Стас. – С «соседями» общаться – то еще удовольствие.

– Соседями? – не понял сыщик. – А! В смысле – соседний департамент? Забавно подмечено, надо будет коллегам рассказать, повеселятся изрядно. Ну а вы пока по городу погуляйте, что ли...

«А в самом деле! – подумал опер. – Рассиживаться-то

некогда. Хотя к театру подходы поглядеть».

Говоря откровенно, не слишком-то он верил, что Аркадий Францевич с жандармом смогут прийти к единому мнению. Реакция последнего вполне предсказуема – за информацию спасибо и до свидания! Мы профессионалы, мы сами, без сопливых, разберемся.

Это правильно, конечно, что каждый занимается своим делом, иначе это не работа была бы, а сущий дом терпимости – не поймешь, кто, кого и за что. Однако верно и то, что «специалист подобен флюсу – он односторонен». Прав был Козьма Прутков. И про то, что ковчег строил любитель, а «Титаник» – профессионалы, тоже сказано не в бровь, а в глаз.

«В общем, резюме такое, – хмыкнул про себя Стас, шагая по утренним улицам Киева. – На жандарма надейся, а сам не плошай».

...Раскатистым басом бухнул колокол, и его голос долго висел в воздухе над золочеными куполами, которые поднимались над городом, словно шлемы древних воинов. Не утяжеленный выхлопами свежий воздух бодрил, дышалось легко, и опер с любопытством разглядывал вывески на мелких лавочках и магазинах. Поспешал служивый люд, извечно боявшийся опоздать. Звонко цокая копытами, прогарцевал молоденький корнет, судя по его серьезному виду, с поручением. Подпрыгивая на брусчатке колесами, проскрипел тяжело нагруженный обоз, а его, сигналив, обогнало блестящее ав-

то, за рулем которого гордо восседал затянутый в кожу водитель.

– Вот же зараза, – хмыкнул вполголоса Стас. – Наверняка круче Шумахера себя мнит!

Взглянув на встреченную по дороге парочку, Стас сразу решил, что она направляется в театр. И не просто туда направляется, она – плоть от плоти этого театра. Было в ней что-то такое... божественное, что ли. Обе дамы были высокими и стройными. Но, судя по их одежде, пошитой хоть и с претензиями, но явно у местечковой портнихи, до высшего сословия им было далеко. У одной были большие светлые глаза. Настолько большие, что он сразу, по привычке, окрестил ее Стрекозой. Вторая имела острые черты лица, и Стас про себя назвал ее Птичкой.

Он был уверен, что их принадлежность к миру искусства определил верно. Возможно, из-за взглядов, которым обе стрельнули в рослого симпатичного опера. А может, из-за каких-то невесомых флюидов, которые он, как опытный мент, уловил «верхним чутьем». Стас за годы службы в «ментуре» привык этому чувству доверять. Не единожды оно спасало его от неприятностей, а пару раз точно от верной смерти. Поэтому, даже не успев как следует обдумать это неожиданное наитие, он сделал шаг по направлению к девицам. Медлить не следовало, ибо театр был уже в пределах видимости.

– Простите мне, бога ради, мою неучтивость! Позвольте

представиться – коллежский секретарь Сизов Станислав. Вы не подскажете мне, как пройти в оперу?

Они словно ждали этого. Стрекоза радостно заулыбалась, словно встретила давнего друга. Птичка, наоборот, скромно потупилась, однако при этом так «даванула косяка», что любой, что-то понимающий в женщинах, понял бы, что если ее подругу можно снять за пять секунд, считая вдох и выдох, то эта сама кого хочешь снимет.

– Вика, – наклонила голову большеглазая.

– Ника, – в тон ей представилась подруга.

– Если вы нас проводите немного, вы придете прямо к опере, – кокетливо поглядела на него большеглазая.

– С превеликим удовольствием, – галантно поклонился Стас, пристраиваясь рядом. – В вас за версту видно служительниц муз. О музы! Мельпомена, Полигимния и Талия! «И талия!» – воскликнул, пораженный в самое сердце, Марк Антоний, и Рим мгновенно был переименован.

Девушки весело рассмеялась. Новоявленный кавалер явно пришелся им по вкусу. И одет более чем прилично. Им, бедным служительницам искусства, было так тяжело пробиться в этом мире! В мечтаниях они грезили – нет, совсем не о принце, скорее о состоятельном господине – желательном молодом и щедром, взявшем под свою опеку юное дарование. И предел девичьих грез – удачное замужество! Вот и сейчас, кто его знает, может, это госпожа Фортуна вдруг расщедрилась, подбросив им такой шанс?

– Да, чувствуется, что музы и вас почтили своим присутствием.

– Да что вы! – картинно схватившись за лоб, продолжал «бутафорить» Стас. – Я туп, косноязычен и неуклюж... и лишь при виде вас в моей душе проснулся поэт, готовый пятистопным ямбом восторгаться каждым сантиметром ваших туфель.

– У, какой вы комплиментщик, – не то осуждая, не то восторгаясь протянула, кокетливо поведя плечиком, Птичка.

– Сегодня вечером дают «Сказку о царе Салтане», – с гордостью сообщила Стрекоза. – На представлении будет сам государь-император.

– Сам государь? – сделал «большие глаза» опер. – Получается, вы будете там допоздна... Жаль... Значит, принести вам цветы и шампанское не удастся....

– Ну... – Стрекоза метнула быстрый взгляд на подругу, – вообще-то....

– Нет ничего невозможного. Есть там один тайный ход, и мы вам его покажем. Только дяде Васе, столяру, нужно заплатить двугривенный.

– Да я ему целковый заплачу! – пылко воскликнул Стас, одарив обеих таким взглядом, что Стрекоза зарделась, как майский цвет, а Птичка подарила многообещающий взгляд.

Подойдя к театру, девицы направились в обход здания, поманив за собой Стаса, и остановились перед какой-то неказистой дверью, которая оказалась не заперта. В полутем-

ном коридоре горела мутная лампочка, пахло деревом и клеем. Из двух дверей одна была заперта на висячий замок, а из второй лился свет, и чей-то напрочь лишенный музыкальности голос распевал арию Ленского:

– Я-а-а лю-у-у-блю-у вас... Я-а-а лю-у-у-блю-у вас, Ольга...

– Дядя Вася! – позвала Стрекоза-Вика.

– Ась? – из дверей выглянула седоватая борода, поверх которой блестели два грачиных глаза.

– Дядя Вася, здравствуйте, – пропела Птичка-Ника. – Как здоровье ваше?

– А, это вы, стрекозки, – разулыбался «певец». – Старика пришли...

Договорить он не успел. Входная дверь распахнулась, и вошел рослый полицейский. Стас поглядел на погоны – зеленые, и лычка как у старшины, только серая. «Вроде бы околоточный надзиратель...» – припомнил он то, что успел прочесть в кабинете Кошко.

– Здравствуйте, кто заведует данным помещением?

– Я, господин околоточный, – вытянулся во фрунт дядя Вася. – Столяр Василий Куценко, мещанин.

– А вы, молодые люди? – околоточный повернулся к Стасу.

– Барышни мне рекомендовали дядю Васю как искусного столяра, – не моргнув глазом ответил Стас. – Хочу этажерку под книги заказать.

– Ясно, – кивнул тот. – Однако прошу здесь долго не задерживаться. Проводится важное мероприятие.

– Да мы уже почти договорились, – улыбнулся опер. – Сейчас уйдем.

– Скажите, милейший, – потеряв к ним интерес, околоточный снова повернулся к столяру, – отсюда можно пройти внутрь оперы?

– Никак нет, – «поедая глазами» начальство, отчеканил дядя Вася. – Так что помещение замкнутое.

– А эта куда ведет? – заглянув в столярку, показал надзиратель, показывая на запертую дверь.

– Не извольте беспокоиться! – засуетился столяр. – Это кладовка наша.

– Откройте.

Убедившись, что кладовка не имеет выхода, он снова повернулся к Стасу.

– Извинения прошу, служба. Позвольте взглянуть на ваши документы.

Внимательно посмотрев паспорт, он поднял на опера внимательный взгляд.

– Где остановиться изволили?

– В «Эрмитаже».

– С какой целью в город пожаловали?

– Коммерческие дела.

– Всего хорошего!

Вернув паспорт, околоточный коротко козырнул и вышел.

– Беспокойтесь начальство, – ехидно хихикнул дядя Вася. – Так что-с, молодой человек, этажерку заказывать будем?

– Ну дя-а-а-дя Вася, – капризно протянула Ника. – Этот молодой человек – наш друг. Проведи его сегодня вечером к нам, пожалуйста.

– Не-не-не, сегодня и не просите, – замотал головой столяр. – Видите, что сегодня творится, прямо Содом с Гоморрой!

Стрекоза-Вика за спиной подружки обозначила хорошо знакомый оперу жест, потеряв большой палец об указательный. Стас понятливо кивнул и, расстегнув пальто, достал из кармана портмоне.

Хорошо, что он, завтракая в ресторане, разменял одну из четвертных банкнот. Ради такого дела как будто и не жалко, но столяр, получив такую сумму, точно заподозрил бы неладное.

Порывшись в отделении для монет, он извлек на свет божий серебряный рубль и протянул его столяру.

– Выпейте, уважаемый, за здоровье нашего государя императора.

– Ну, разве что за императора, – пробурчал и, помявшись чуток, уцапал-таки монету. – Вы, ваша милость, подходите эдак за полчаса до начала, я вас проведу.

Глава 4

По следу провокатора

...Помахав девицам рукой на прощание, Стас проследил, как они вошли в здание оперы, присел на скамеечку и полез в карман за папиросами. «Уинстона», к которому он привык, здесь, конечно, не было. Но «Тройка», которую он купил в ресторане, оказалась штукой вполне приличной.

– Итак, все как обычно, – усмехнулся он, глядя на стайку горластых воробьев, затеявших разборки над оброненной горбушкой хлеба. – Имея нужное знакомство, проникнуть на объект труда не составит.

Он раскрыл коробку, отмечая краем глаза, что какая-то фигура, покружив по площадке перед входом, направляется к нему.

– Простите, не разодолжите папиросой?

Стас поднес горящую спичку к папиросе, выдохнул дым и полез в карман.

– Сделайте одолжение!

Опер отметил с внутренней усмешкой, что, оказавшись здесь, стал выражаться как-то старомодно: атмосфера так действует, что ли... Протягивая раскрытую коробку, он взглянул на просителя. Видел он уже это лицо, точно! Лично не встречал, но... такое чувство, словно только вчера разглядывал его в свежей ориентировке. В документах, которые он

перелопатил у Кошко? Не факт, но возможно... Размышляя, он не забывал краем глаза отслеживать перемещения «объекта». А тот, собственно, никаких особых телодвижений не совершал. Отошел и присел на другую скамейку.

В это время к нему подошел какой-то хорошо одетый господин. Трудно сказать, почему, но Стасу показалось, что более всего тот похож на чиновника. Спроси почему, он бы не ответил. «Интуиция, Ватсон...».

Безмятежно выпуская дым вверх, Стас искоса наблюдал за «объектом» и его визави. Они продолжали сидеть, о чем-то тихо переговариваясь, а опер, любясь вычурным зданием оперы, размышлял, удастся ли Аркадию Францевичу добиться толку от главы местных жандармов. При этом он, не забывая о шушukaющей парочке, мысленно, чисто по привычке, составлял словесный портрет «усатого»: высокий, лицо европейского типа, волос русый с сильной рыжиной, носит усы, держится прямо, как военный...

Стоп! Вот оно! Так держатся люди, постоянно носящие форму. Полицейский? Жандарм? Военный? Нет, полицейского, пожалуй, следует отбросить: они умеют цивильное носить – работа обязывает.

В это время «военный» поднялся и, небрежно кивнув, пошел прочь.

– Александр Иванович! – окликнул его «объект».

От Стаса не ускользнуло, как Александр Иванович произвольно стрельнул глазами по сторонам.

«Ага, узнанным ты быть не хочешь! – хохотнул про себя Стас. – Спасибо, господин „стрелок"! Вот потрафил так потрафил!»

Собеседник двумя быстрыми шагами вернулся к «объекту». Видно было, что он что-то ему выговаривает. Тот, слушая его, смотрел почтительно, но его губы непроизвольно кривились, выдавая презрение к собеседнику.

«Куратор от жандармерии?» – продолжал «прокачивать» Александра Ивановича опер.

Упомянутый собеседник меж тем, попрощавшись, направился прочь. Заметив, как профессионально он оглянулся, Стас отказался от мысли последовать за ним и еще больше стал склоняться к мысли, что имеет дело с жандармом.

...Аркадий Францевич Кошко меж тем возвращался от начальника Киевского жандармского отделения. Несмотря на внешнее спокойствие, внутри у него все бурлило, как в Везувии. Нет, Кулябко, конечно, был вежлив и предупредителен. Еще бы! Начальник отделения города не может «через губу» разговаривать с главой департамента государства. Но! Службы разные, это во-первых. Во-вторых, жандармерия, как ни крути, стоит повыше полиции...

– Проходите, пожалуйста, господин статский советник. Чем могу быть полезен? – Кулябко был вежлив, но не более того.

– Господин полковник, мне поступила важная информация, которую я считаю необходимым довести до вашего сведения.

– Слушаю вас.

Кошко вздохнул.

– У меня есть все основания считать, что ваш агент Богров Дмитрий ведет с вами двойную игру.

– Это какая-то ошибка, – сделал морду чайником жан-дарм. – И вообще, я не вправе обсуждать агентурные вопросы с кем бы то ни было. Это строжайше запрещено циркулярами, и вам об этом превосходно известно.

– Если мне известно о самом факте агентурного контакта, то смешно ссылаться на секретные циркуляры, – не удержался от легкой колкости Аркадий Францевич. – Богров сообщил вам о женщине, которая готовит террористический акт. Смею вас заверить, что это только легенда. Никакой женщины не существует. Богров лично собирается стрелять в премьер-министра Столыпина.

К чести (или наоборот) Кулябко, на его лице не дрогнула ни одна жилка. Разве что лицо стало донельзя официальным.

– Мне ничего не известно ни о каком Богрове, – отчеканил полковник. – Мне ничего не известно ни о каком покушении. Я не могу обсуждать вопросы секретной работы с посторонними. Даже с вами, уважаемый господин Кошко. Впрочем, вы можете подать рапорт по своей линии.

– Хорошо, – кивнул Аркадий Францевич. – У меня к

вам только одна просьба. Распорядитесь выписать пропуска в Киевскую оперу. Для меня и моего помощника.

– Только один, для вас лично, – сухо ответил жандарм. – Простите великодушно, но места в двенадцатом ряду строго лимитированы, а ответственность, случись, не дай бог, что, с меня никто не снимет.

Он достал из стола пропуск и, вписав в него имя посетителя, витиевато расписался.

– Прошу вас.

– Честь имею, – поднялся Кошко.

– Честь имею, – встал хозяин кабинета.

Проходя через приемную, сыщик столкнулся с высоким рыжеватым господином, входящим в отделение с улицы. Мельком он отметил, что где-то видел этого господина, но был не в том настроении, чтобы вспомнить точно.

Когда Аркадий Францевич, все еще пылая праведным гневом, поднялся в номер, Стас был уже там.

– О результате не спрашиваю. – Опер отхлебнул чаю из стакана, который держал в руке, расхаживая по номеру. – Простите, но по лицу видно.

– Да уж, общение с «соседями»... – употребил новое словечко Кошко. – Это то еще удовольствие, смею заметить.

– Бог с ними, – махнул рукой Стас. – Это было, есть и будет. Нам главное информацию реализовать.

– Мне дали только один пропуск, причем именной, – с досадой сказал статский советник, снимая пальто и шляпу.

– Это, конечно, горе, – философски заметил опер. – Но не беда. Я нашел способ попасть внутрь без всякого пропуска. Я опер или где?

– В смысле – «или где»? – озадачился Аркадий Францевич.

– Это шутка такая, не обращайтесь внимания. У меня сейчас два срочных вопроса: что за тип встречался с Богровым и где мне пристрелять ствол? Второй даже срочнее первого.

– И думать забудьте, – замахал руками сыщик. – в высочайшем присутствии оружие может иметь только личная охрана.

– Ага. И террористы, – съязвил Стас. – У них, видать, особое положение. И потом, вы забыли, что я через черный вход приду. Меня на входе обыскивать не будут.

– Ну, – задумался Кошко, – особу моего статуса, положим, обыскивать не положено...

– Вот именно, – хмыкнул опер. – А то больно уж мы законопослушные. На радость всякой сволочи.

Аркадий Францевич крикнул, но возражать не стал.

– Тир тут недалеко есть, в полицейском отделении. Пистолет должен быть как родной, тут вы совершенно правы. Отрадно видеть, что наши потомки не растеряли того наследия, которое мы собираем по крупицам.

– Конечно, – отозвался Стас, не желая огорчать хорошего человека.

Растеряли – это еще слабо сказано. Просрали – вернее бу-

дет. Причем все что можно. И даже то, что нельзя. Остались крупницы – вот это верно. Впрочем, статскому советнику об этом знать не обязательно, у него тут своих забот – выше крыши. «Довлеет дневи злоба его», – верно говорили древние.

...В отделении полиции, как и следовало ожидать, проблем не возникло. Начальник отделения, проникшись при виде высокого гостя, выделил им в помощники здоровенного хмурого унтера.

– Унтер-офицер Калашников, – представил он его. – В стрельбе, уверяю вас, чистый виртуоз. Располагайте им, как мной.

– Позвольте осведомиться, ваше высокородие... – повернулся унтер к Аркадию Францевичу.

– Соблаговолите, – кивнул тот.

– Дежурная пристрелка или под конкретное задание?

– Под конкретное.

– Извольте условия назвать, – деловито сказал унтер. – Все в лучшем виде сделаем.

Они спустились в тир. Здоровяк открыл ключом тяжелую дверь и пропустил высоких гостей вперед. Стас огляделся. Хороший, добротный служебный тир. Без электронных наворотов, конечно, откуда же им тут взяться, в начале XX века?

– Так, какие условия? – поинтересовался унтер, включая

подсветку.

– Объект движущийся, внезапно появляющийся, мишень грудная, дистанция десять-пятнадцать метров, в условиях временного дефицита, – отчеканил без запинки опер. – В смысле времени будет мало. Секунда-две, не больше.

– Соображаете, ваше благородие, – с уважением отозвался Калашников, перебирая мишени.

Он выбрал из стопки несколько нужных и пошел вперед. По щелчку невидимого тумблера на расстоянии примерно пятнадцати метров повернулись семь ростовых мишеней, стоящие одна возле другой, на расстоянии метра друг от друга.

– Ваше высокородие! – шепнул Стас. – Такой тир, по-моему, заслуживает как минимум благодарности. У нас такие же.

– Стреляйте, ваше благородие, – кивнул, возвращаясь на рубеж, Калашников.

Кошко с явным интересом наблюдал за тем, как его молодой коллега, сделав шаг вперед, расстегнул пиджак и пристально поглядел на мишени, словно прикидывал расстояние до цели.

– Господин унтер-офицер, – не поворачиваясь, попросил Стас. – Скомандуйте мне, пожалуйста.

– Слушаюсь, вашбродь, – отозвался унтер. – Приготовиться... пли!

Стас, откинув полу пиджака, выхватил парабеллум. Од-

на за другой засверкали вспышки, загрохотали выстрелы, зазвенели вылетающие гильзы.

– Проверить мишени, – скомандовал Калашников.

Когда они втроем подошли к мишеням, унтер крикнул.

– Изрядно, Станислав, – кивнул статский советник.

Стас внимательно осмотрел пробоины – попали все пули, но в центре были только две, прочие пять были в разных концах мишеней, ближе к краю.

– Нет, еще разок, пожалуй, надо. Никто мне второй попытки не даст. У меня один выстрел. Найдутся еще патроны? – повернулся он к унтеру.

– Не извольте беспокоиться, вашбродь, – уважительно отозвался тот. – Берите, сколько потребуется. Видать, важное у вас задание.

– Ваша правда, – кивнул Стас, возвращаясь на рубеж.

Он вынул пустой магазин и передал его унтеру. Вторая серия была более удачной. После пятого отстрела он наконец приобрел необходимую уверенность. Пока Стас чистил оружие, Кошко о чем-то тихо разговаривал с начальником отделения. По довольному виду последнего легко можно было определить предмет беседы. Без сомнения, рекомендация опера упала на благодатную почву.

...Без всяких помех Стас прошел в столярку. Хозяин помещения коротал время, шаркая рубанком досточку и отчаянно коверкая мелодию, ублажал свой слух очередной ари-

ей. Увидев его, дядя Вася, находящийся уже в изрядном подпитии, поднял открытую ладонь к плечу, как бы говоря: «Все как надо!» Тяжело поднявшись, он вышел в коридорчик и неверными руками отомкнул замок на второй двери. На недоуменный взгляд опера столяр плутовски подмигнул и, шагнув внутрь, одним движением, привычно отодвинул стоящий у стены шкаф.

– Вот ведь оно, как получается, –дохнул свежим перега-ром. – Дело-то молодое, опять же, лишнего глазу не терпит.

За сдвинутой мебелью обнаружился аккуратный проем в стене.

– Подсобное помещение, – пояснил он. – Выходит к «мужской комнате». Дальше, ваша милость, сами не теряйтесь, а дядя Вася свое дело сделал.

Выйдя в коридор, Стас убедился, что «внедрение» прошло удачно. Зайдя в курительную комнату, он спокойно выкурил папиросу и направился к буфету. Несмотря на то что первое отделение уже началось, в буфете он оказался не единственным. Советская дисциплина еще не пустила здесь корни – буфет работал без перерыва. Ты купил билет, а уж в буфете ты сидишь или в партере – это твоя трагедия. Да и актеры, у которых выход нескоро, перекусить заглядывали или рюмашку пропустить для бодрости. Правда, из пятерых, как он определил, трое были его коллегами – видимо, их задачей было «перекрывать» входы в зрительный зал. Но, к счастью, его появление никакой реакции не вызвало – мало

ли, захотел человек коньячку выпить.

«Мы артисты, наше место в буфете», – насмешливо подумал Стас и заказал кофе по-варшавски с эклером.

В перерыве между первым и вторым актом просторное фойе наполнилось людьми. Блистая украшениями и обмахиваясь веерами, дамы в годах неспешно обсуждали увиденное. Молодые демонстрировали свету наряды и высматривали претендентов на обязательный бал в честь высокого гостя. Мужчины были галантны и, как отметил Стас, успевали не только поговорить о музыке, но и решить заодно какие-то свои дела.

– Господь с вами, милейший князь! – благодушно улыбался собеседнику ложенный ротмистр-кавалерист. – Эвона сколько милых барышень из старинных родов в глубинке печалятся! Женитесь, голубчик, а на приданое свои дела поправите.

– Помилуйте, батенька, – гудел баском господин с окладистой бородкой, – да за такие деньги лошадку необъезженную брать больно накладно! Увольте меня от такого удовольствия, да и вам не советую! Зато на орловских конюшнях есть из чего выбрать и цена не кусается.

Высмотрев Кошко, он продефилировал перед ним, но подходить не стал – они заранее договорились, что не стоит обнаруживать знакомство. Когда началось второе отделение, Стас прогулялся в курительную комнату. Когда опер входил туда, он почувствовал на себе чей-то внимательный взгляд

и, обернувшись, увидел одного из тех, с кем коротал время в буфете.

«Видимо, два отделения в буфете – это немного слишком», – размышлял он, затягиваясь душистой папиросой.

Аккуратно потушив ее в пепельнице, он вышел и снова направился в буфет.

– Простите, могу я взглянуть на ваши документы? – услышал он за спиной спокойный голос.

Стас неторопливо повернулся – перед ним стоял тот служивый, чей взгляд он поймал пять минут назад. Достав из кармана удостоверение полицейского, он раскрыл его перед глазами коллеги.

– По личному заданию господина Кошко, – негромко сказал он.

– Прощения просим, – извинился тот, – служба.

Кивнув, Стас продолжил свой путь. На счастье, он много раз перечитывал описание убийства Столыпина, данное губернатором Киева. Потому, едва закончилось второе отделение, опер быстро прошел в первую дверь. Столыпина он увидел почти сразу. Тот стоял, как и описывал губернатор, примерно на уровне второго ряда, беседуя о чем-то с двумя господами весьма важного вида. Почти сразу он заметил еще два знакомых лица – Аркадий Францевич в парадном мундире стоял в двух шагах от премьера. А рядом с ним – вот те на! – обретался высокий рыжеватый господин, которого он видел сегодня мирно беседующим возле театра. На сей раз,

правда, он был затянут в шикарный смокинг.

«Богрова бы не прохлопать», – едва успел подумать Стас, как события вдруг резко перешли в иной временной режим. Взгляд Кошко вдруг метнулся куда-то за спину оперу. Рука сыщика быстро нырнула в карман и появилась уже с небольшим браунингом. Однако рыжий оказался быстрее. Прыгнув вперед, он повис на руке статского советника, заставив его опустить оружие.

Едва Стас увидел взгляд Кошко, он понял, что террорист уже у него за спиной. Поэтому, когда он повернулся назад, парабеллум уже был у него в руке. Богров в нескольких шагах от него поднимал руку с пистолетом. Увидев прямо перед собой человека с оружием, убийца с перекошенным лицом резко повернул ствол на Стаса. Поздно! Парабеллум в руке опера выплюнул пулю и во лбу студента появилась аккуратная дырочка. Не сводя со Стаса заплешивающего взгляда, террорист завалился назад.

Истошный дамский визг, парочка сомлевших девиц, а толпа бурлящей волной шарахнулась в разные стороны. Увидев, что Богров опасности уже не представляет, опер опустил руку с оружием.

– Что тут происходит? – прозвучал за спиной властный голос.

«Столыпин, – безошибочно определил Стас, но повернуться не успел – кто-то схватил его за руки, с силой выкручивая их назад. – Черт с вами, ломайте. Главное, чтобы тут

второй стрелок не появился».

Его развернули лицом к премьеру.

– Отпустите господина статского советника, – коротко бросил Столыпин.

Охранники выпустили Кошко. Тот, красный от гнева, дернул головой, словно ему жал воротничок мундира.

– Извольте объясниться, Аркадий Францевич. – Премьер смотрел на сыщика спокойно. – Что все это означает?

– Петр Аркадьевич, прикажите отпустить этого молодого человека. Это мой сотрудник, и он только что спас вам жизнь.

– Отпустить, – приказал премьер, и в ту же секунду Стас почувствовал, что свободен.

Разминая кисти рук и подчиняясь знаку Кошко, он подошел к «начальству».

– Вы, – Столыпин повернулся к двум охранникам, все еще стоявшим возле Кошко, – вынесите труп, передайте его чинам полиции, чтобы поместили в покойницкую на сохранение.

Те, коротко кивнув, бросились выполнять поручение. Зал отмер, послышался приглушенный гул сотен голосов, шепотом обсуждающих произошедшее. В оркестровой яме музыканты, будучи еще не в курсе событий, настраивали свои инструменты. Только высунувшийся на выстрел дирижер имел бледный вид, но рта предусмотрительно не открывал. Оно ему надо? Попробуйте после такой новости привести музы-

кантов в рабочее состояние!

– Что происходит, Петр Аркадьевич? – слышался из ложи спокойный, чуть картавый голос.

Стас повернулся вправо – в ложе бенуар стоял во весь свой небольшой рост император Николай Второй собственной персоной. В белом парадном мундире, в точности такой, каким он выглядел на фото и на портретах.

– Ваше величество, я полагаю, что здесь имело место очередное покушение на вашего покорного слугу. Я разберусь и доложу вам.

– Хорошо, – кивнул Николай. – Никто из людей не пострадал?

– Слава богу, нет. Предполагаемый террорист убит.

– Туда ему и дорога. Разберитесь, кто это допустил, Петр Аркадьевич, и незамедлительно доложите.

– Слушаюсь, – кивнул премьер. – Прошу со мной, господа. Он показал рукой впереди себя.

– Ваше высокопревосходительство, – вперед выступил рыжеусый, – я не могу отпустить вас без охраны.

– А куда смотрела ваша охрана, когда в меня стрелял террорист? – насмешливо поинтересовался Столыпин. – Охраняйте государя, Александр Иванович, и оставьте мне мои заботы.

Видно было, как побагровела шея полковника, но, сдержавшись, тот коротко кивнул, отступив в сторону. Обернувшись, Стас мельком поймал его взгляд, полный ненависти.

И понял, что не ошибался насчет жандармов.

Глава 5

Между двух огней

...Они прошли через фойе и вошли в кабинет администратора. Непременный портрет самодержца и специфика заведения – яркие афиши и фотографии знатных особ и прославленных певцов, оказавших Киевской опере честь своим присутствием. Трое служащих, сидевших за столами, при виде двух высоких чинов вскочили и вытянулись в струнку.

– Господа, я прошу вас ненадолго освободить кабинет, мне необходимо провести дознание. Я министр внутренних дел Столыпин.

Повторять не было нужды. Клерки быстро, но без суеты покинули помещение, оставив их одних. Захлопнувшая дверь приглушила гул голосов прогуливавшейся публики, увлеченно обсуждающей детали несостоявшегося покушения. Они еще слышали звонок об окончании антракта, голоса смолкли и донеслись приглушенные звуки музыки.

– Ну-с, располагайтесь, господа. – Премьер, усевшись за стол, расстегнул верхнюю пуговицу мундира. – Аркадий Францевич, я вас попрошу рассказать все по порядку. Сидите, сидите, я полагаю, разговор будет долгим.

Кошко секунду помолчал, как бы собираясь с мыслями.

– Четыре дня назад, – начал он, – из надежного источника я получил информацию, что на вас готовится покушение...

Столыпин слушал не перебивая. Когда рассказ Кошко подошел к сегодняшнему дню, он легонько прихлопнул ладонью по столу.

– Стоп! Вы хотите сказать, Аркадий Францевич, что к вам пришел незнакомый человек, сообщил, что он якобы явился из грядущих веков, и вы вот так запросто приняли это на веру?

Он хмыкнул и с сомнением покрутил головой.

– Либо вы мне не все сказали... либо... – Он сделал паузу и потер пальцами лоб. – Либо извините, но вам зря доверили вашу должность.

«Ну вот, – грустно подумал Стас, наблюдая, как краснеет шея сыщика. – Опять доказывать, что ты ни прямо, ни косвенно не являешься гималайским верблюдом... И оно мне надо?»

– Петр Аркадьевич, – совладав с собой, спокойно ответил статский советник. – Я, как вам известно, сыщик, а следовательно, недоверчив. Но и тупо не верить тому, что видишь – это, простите, другая крайность.

– Стало быть, были какие-то артефакты?

– Были, как не быть... Первый – служебное удостоверение полицейского, датированное концом двадцатого века. Фактура, исполнение, реквизиты – все другое. Даже название нашего государства. Союз социалистических республик, если не ошибаюсь? – повернулся он к Стасу.

– Союз Советских Социалистических Республик, –

неохотно ответил тот. – Впрочем, Союза как такового уже почти год не существует. Сейчас наше государство называется Российская Федерация. Просто удостоверения еще не сменили.

Он примерно догадывался, какое впечатление произведет на Столыпина грядущее название государства. Но тот перенес удар стойко, только испарина выступила на лбу.

– Час от часу не легче, – пробормотал премьер, поворачиваясь к Кошко. – Еще что-нибудь было?

– Да. Пистолет неизвестной конструкции. Под патрон, которого в мире, насколько мне известно, не существует. Дата изготовления, выбитая рядом с серийным номером, опять-таки – вторая половина XX века. Все это находится у меня в гостиничном номере.

– Это все?

– Не совсем. Станислав с точностью, почти до минуты, до шага каждого из участников, знал о том, что будет совершенно, простите, ваше убийство. Самое главное, он заранее знал не только то, что Дмитрий Богров будет стрелять в вас, а заранее расписал всю диспозицию – что государя в ложе не будет, что полковник Спиридович в момент покушения выйдет на улицу. Согласитесь, этого знать заранее не мог никто. Ну, разве что нечистая сила.

– А вы меня в церковь отведите, – буркнул Стас. – Обряд экзорцизма, я думаю, должен вас убедить.

Столыпин, покраснев, бросил на шутника грозный взгляд,

но опер устоял на него совершенно безмятежно. Сейчас, именно сейчас закладывается фундамент будущих отношений. Если поймут сразу, что помыкать им не получится, тогда можно с ними кашу сварить. А нет так нет. Тогда «в одного» воевать придется.

...Разговор с премьером закончился уже за полночь, но домой, то бишь в гостиницу, им сразу уйти не удалось. Судебный следователь, проводивший допрос, был въедлив, как серная кислота. Конечно, они с Кошко легенду составляли тщательно, но пару раз, не меньше, в глазах опытного следка возникало эдакое легонькое сомнение. Впрочем, расстались мирно.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

чиновника для особых поручений при начальнике
Московской сыскной полиции С. Ю. Сизова
2 сентября 1911 г.

1911 года, сентября 2-го дня, судебный следователь Киевского окружного суда по особо важным делам В. И. Фененко, в кабинете администратора Киевской оперы, допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. Уст. угол. суд., и он показал:

Зовут меня Сизов Stanislaw Юрьевич, 33 лет, православный, коллежский секретарь, постоянно проживаю в С.-Петербурге, а временно в городе Киеве, в гостинице «Эрмитаж», на Фундуклеевской.

В конце августа сего года, находясь по служебной необходимости, на одном из собраний социалистов-революционеров, из случайно услышанного разговора мне стали известны обстоятельства готовящегося покушения на министра внутренних дел России Столыпина П. А. Обстоятельства складывались так, что доложить о поступивших сведениях я не мог. Ввиду срочности и важности, сразу после того как я доложил об услышанном своему начальнику статскому советнику Кошко А. Ф., было решено отправиться в Киев вслед за кортежем государя императора, где также находился министр внутренних дел.

Получив от своего начальника статского советника Кошко А. Ф. пригласительный билет, я находился в фойе Киевской оперы, периодически во время антракта заходя в зрительный зал, поскольку из подслушанного разговора мне было известно, что покушение состоится именно в перерыве.

Войдя в очередной раз, во время второго антракта, я направился ко второму ряду. По знаку статского советника Кошко А. Ф. я понял, что Богров находится у меня за спиной. Достав свой служебный пистолет, я повернулся назад и увидел, что Богров уже целится в министра внутренних дел Столыпина. Увидев в моих руках оружие, он перевел ствол на меня. Поскольку моей жизни угрожала непосредственная опасность, я выстрелил в Богрова на поражение.

На предложенный мне вопрос о том, кто были люди,

от которых я узнал о покушении, ответить не могу, так как это составляет служебную тайну – данные люди находятся в оперативной разработке по другому делу.

Подписали:

1. Коллежский секретарь Сизов С. Ю.: «С подлинным верно, мною прочитано, дополнений и изменений не имею. Ходатайств не заявлял».

2. И. д. судебного следователя В. Фененко.

Присутствовал прокурор суда Брандорф.

Присутствовал товарищ прокурора Лашкарев.

С подлинным верно: секретарь при прокуроре Киевской судебной палаты Ковалев.

...Стаса никто не потревожил, и он продрых в номере почти до обеда. Ополоснув морду и побрившись, он задумался: заказать кофе в номер или выпить его в ресторане?

«Быстро же ты к приличной жизни привык, – подколот он сам себя и сам же себе ответил: – Человек быстро привыкает к хорошему».

И дело даже не в том, что он сейчас целый чиновник для особых поручений при статском советнике. Такое *здесь* мог себе позволить рядовой опер. Коллежский секретарь – тот же старлей. И оклад у него такой же, как у обычного сыщика, несмотря на то что должность вроде бы более значительная. Имея такое жалованье, можно презрительно губы скривить, когда тебе жулик деньги предлагает. Грустно это сознавать.

И какого хрена им тут не хватает?

Выйдя из номера, Стас спустился по лестнице вниз, прошел в ресторан и занял место за столиком. Публика на него внимания не обратила, да и с какой стати? Зашел приличный молодой человек позавтракать, заглянул в меню и сделал заказ официанту – ничего особенного. Закурив душистую папиросу, он ударился в размышления. Разговор со Столыпиным закончился неожиданно. Премьер-министр предложил ему занять при нем ту же должность, что и при Кошко. Сам статский советник, вопреки ожиданию, воспринял это как должное. То ли, будучи человеком широко мыслящим, понимал, что непродуктивно такой информированный кадр в сыщиках держать, то ли хотел избавиться от лишних хлопот. В процессе его разговора со Столыпиным неожиданно всплыли и очень приятные подробности – более высокий оклад (он и от этого-то ошалел) и чин коллежского асессора.

Стас, не лучше любого нашего современника разбиравшийся во всех этих чинах, немало озадачился. В его сознании, с легкой руки классиков русской литературы, «коллежский асессор» был синонимом пресмыкающегося перед всеми мелкого чиновничка. Уже по дороге в гостиницу Кошко, посмеиваясь над его вопросом, объяснил, что это, по нашим меркам, подполковник.

– ...А там и до надворного советника недалеко, – добавил он спокойно.

Официант принес кофе, и Стас, с удовольствием прихле-

бывая из чашечки, продолжил раздумья.

«Итак, вечный вопрос – что делать? Столыпин, как самурай, готов принять смерть, но не поступится своими принципами. Он молодец, конечно, но что-то мне подсказывает, что он не жилец. В этой должности, во всяком случае. Или убьют, или снимут к чертовой матери. Впрочем, убить постараются в любом случае. Долго этой войны Николашке не выдержать, кошке ясно. Он же не Ричард Львиное Сердце, отнюдь».

«Властитель слабый и лукавый...» – вспомнилось Стасу. Он хмыкнул. Надо же, как точно сказано, хоть и не про него! «Ай да Пушкин, ай да сукин сын... Ладно, вернемся к нашим баранам. Действительно бараны, без всякого там переносного смысла. Этот уперся – он, видите ли, царю присягал. Хотя этот самый царь его в прошлой жизни слил, не задумываясь. Молодец, конечно, премьер, чего там! Да я и сам так же поступил бы на его месте. И с революционерами, чуеет мое сердце, та же песня будет. Этим, наоборот, вынь да положь Россию без царя. Бесы, одно слово, верно их Достоевский обозвал. А я, как та Соня с мытой шеей, посередине. Ох, как я теперь Кассандру понимаю! Несладкая у нее жизнь была... «Но, ведь, провидцев, впрочем, как и очевидцев, во все века сжигали люди на кострах...» Ох, не накаркайте мне, Владимир Семенович...

Ладно, подобьем бабки. Я спас Столыпина и при этом собственноручно грохнул освободителя России от душите-

ля-вешателя, былинного, мать его, героя, русского богатыря Богрова Мордко Гершевича. Отсюда автоматически вытекает, что моей крови жаждут анархисты, социалисты, эсеры и вообще всех мастей – понятно, почему. И масоны тоже – потому что сейчас ими Столыпин с Курловым займутся, и ох, не по-детски. Очень нехилую «баню» им организуют. Получается, тайные ложи в эту операцию столько бабла влили, а им за их старания – хрен во всю морду. Им меня обязательно убить надо. Это для них просто-таки дело чести.

А учитывая, что правительство и Государственная дума масонами нашпигованы, как булка изюмом, хреновое твое дело, старший лейтенант Сизов, или как там тебя, коллежский секретарь... Подводя итоги, можно смело сказать, что против тебя сразу и католики, и гугеноты: сиречь правительство, Государственная дума и вся эта долбаная оппозиция, включая революционеров. А за тебя только Столыпин, рыцарь без страха и упрека, который сам непонятно сколько протянет.

Успели хотя бы они с Курловым эту операцию по «зачистке» масонских лож провести. Глядишь, и товарищу Сталину не придется „большую чистку” устраивать. Хотя масоны – они же как гидра: одну голову сносишь, взамен две новые отрастают».

От раздумий его отвлек официант, что убрал пустые тарелки и, обмахнув со скатерти крошки, поставил заказанный десерт. Пока он неслышно лавировал возле стола, Стас огля-

дел зал. Ничего нового, молодая семейная пара за соседним столом пьет кофий со сладким пирогом. Устроившись у окна за заставленным блюдами столом, основательно заправляется дородный купчина. Сбоку, жеманно вздыхая, кушают пирожные две курсистки, постреливая глазами на молодых клерков, и разочарованно вздыхают, когда те, расплатившись уходят. Стас вернулся к своим раздумьям, прерванным приходом халдея.

«Товарищ Сталин... А ведь это мысль! Единственный, пожалуй, здравомыслящий человек среди этих одержимых. Те страшилки, которые про него демократы с придыханием в голосе рассказывают, страшилки и есть. Сделать из обескровленной войнами и революциями аграрной России могучую индустриальную империю параноику не под силу, что бы там ни говорили.

Несколько, правда, смущает его верность вождю мирового пролетариата... Впрочем, Ленин тут, скорее всего, фигура прикрытия, не более того. Очень хитрый, кстати, был политикан, настоящий Талейран. Все время, пока он был у власти, искусно поддерживал равновесие, используя тот момент, что Троцкий и Сталин постоянно грызлись, как кошка с собакой. Да и как им было жить в мире? Один – „пламенный трибун“, авантюрист с мощной харизмой, за которым стояли масонские ложи и еврейский интернационал. Другой – немногословный работяга, „паровоз“, который вытягивал самые безнадежные ситуации... И при этом осетин. В ре-

волюционной среде, где тон задавали евреи и грузины, он был обречен на вечный второй план, если бы не железная воля, недюжинный ум и талант организатора. Если Ленин беззастенчиво использовал его и Троцкого как систему противовесов, по принципу „разделяй и властвуй”, то и они, в свою очередь, держались за него как за мощную, практически непотопляемую (Ильич многократно успел это доказать) политическую силу.

Но натура Троцкого, хотел он того или нет, лезла изо всех дыр, побуждая его рваться в лидеры. А Сталин при Ленине оставался верным преторианцем. Не тот человек был Ленин, чтобы уступать кому-то. И потому выиграл Сталин. Как позднее, примерно через полста лет, тихий и непритязательный генерал Аугусто Пиночет, которому надоела революционная вакханалия его сподвижников, одним махом зачистил всех „пламенных трибунов” и твердой рукой повел свою страну к богатству и процветанию. Памятники нужно ставить этим людям, а не на могилы плевать».

Стас тяжело вздохнул.

«Итак, что мы имеем с гуся? Во-первых, нужно исчезнуть. Для всех. Особенно учитывая тот факт, что в лицо его еще не знают. Предложение Столыпина, конечно, лестно, но сам он, как говорят американцы, „хромая утка”. А впрочем, почему бы и нет? Не знаю, есть ли тут такое понятие, как „вольный стрелок”, но почему бы ему и не быть?»

Он взял из портсигара папиросу и, прикурив, стал бездум-

но наблюдать за компанией офицеров, завтракавших за соседним столом. Вопреки советским фильмам, вели они себя совершенно спокойно. Никто не пил шампанское из горла, не махал револьвером и не требовал, угрожая оружием, петь «Боже, царя храни».

Какое-то вино, правда, присутствовало. Но военные позволяли себе лишь слегка пригубить стоящие перед ними бокалы. Мысли опера приняли грустное направление. Он уже успел заметить, что здесь, в 1911 году, культура потребления спиртного привела бы в ужас любого замполита. Пили все. И вместе с тем пьяных практически не было. Говоря другими словами, культура питья была на высоте. Если мужчина, садясь обедать, выпивал рюмочку «Столового вина № 21», как именовали здесь водку, к концу сытного обеда он был пьян не более, чем схимник, лет тридцать не видевший водку даже издалека. Белое вино подавали под рыбу, красное – под мясо. Для улучшения пищеварения, и не более того. Никто не стремился высосать всю бутылку. Бокал, от силы два.

И если после этого офицеру придется применить оружие, судью будет интересоваться не то, что он пил во время обеда, а позволяло ли его состояние осознавать свои действия и руководить ими. И только.

«Да, вас бы в наше время, когда боишься стрелять в вооруженного преступника, потому что вчера вечером выпил за ужином бутылку пива, – горестно посетовал он про себя. – О чем это они там спорят?»

Стас прислушался.

– ...в России никогда не будет меритократии! – Сидящий к нему спиной влоботорота офицер возбужденно отхлебнул из бокала и так стукнул им о стол, что вино плеснуло на скатерть.

– Оставьте, поручик, – лениво протянул сидящий напротив другой, настолько лощеный, что показался Стасу похожим на «голубого». – Откуда ей взяться, при нашей-то дикости? Мы азиаты, и этим все сказано.

– А что вы хорошего в европейцах нашли? – хмыкнул первый. – Наши крестьяне – и те более порядочны, чем эти вылизанные хлыщи.

– Оригинальные у вас взгляды, Всеволод, – заметил пожилой офицер, на плечах которого красовались непривычные погоны с одним просветом, но без единой звезды.

– Взгляды как взгляды, – отмахнулся поручик по имени Всеволод. – Сейчас пол-России так думает.

– Вы не Россия, – саркастически ухмыльнулся «лощеный». – Вы жандарм, Всеволод, душитель всего светлого и прогрессивного, кровавый пес загнивающего царского режима. Впрочем, мы тоже.

– Когда-нибудь, Ники, вы дошутитесь, – обронил пожилой.

Только тут до Стаса дошло, что мундиры этих офицеров были не защитного, а какого-то серо-голубоватого цвета – так это жандармы! Как там Лермонтов писал, «и вы, мун-

диры голубые...». Ага, теперь ясно. И Бог с ними... но тут Стас услышал то, что невольно заставило его насторожить уши. Офицеры, в общем-то, разговаривали вполне прилично, вполголоса. Он был единственным, кто сидел рядом. Ну и слух у него, конечно, был на высоте.

– ...если бы полицейский этого социалиста не пристрелил, как собаку, – сказал Всеволод, – ничего бы ему страшного не грозило. Сослали бы на каторгу, он бы оттуда сбежал через месяц-другой и жрал бы пиво где-нибудь в Женеве. А так – раз, и дырка в башке! Молодец этот парень! Предлагаю поднять за него бокалы.

«Ну вот, – усмехнулся опер. – Начинаю зарабатывать репутацию у коллег».

Он положил в меню деньги за кофе, поднялся и пошел к выходу. Проходя мимо столика, за которым завтракали трое жандармов, он услышал за спиной голос пожилого.

– На месте этого парня я бы в пустыню удалился, как Илия. Теперь за ним террористы такую охоту устроят! Одним выстрелом этот господин себе врагов нажил везде, где можно.

«Очень оптимистично они меня подбодрили, – подумал Стас, выходя в холл гостиницы. – Надо бы газетку какую-нибудь купить, прочесть о себе какие-никакие новости».

Глава 6

Новые враги и новые друзья

Выйдя в холл гостиницы, Стас по привычке поискал глазами киоск. И, не найдя, вышел на улицу. Где-то неподалеку, кажется, было что-то похожее. Стас зашагал в сторону театра, внимательно «озирая окрестности» на предмет печатного слова. Девицу эту он заметил еще издалека. Во-первых, сработало пресловутое мужское начало – очень привлекательная внешность. Она сидела на скамеечке и мечтательно смотрела куда-то вдаль. Поймав взгляд опера, она улыбнулась и, поднявшись, направилась к нему так, словно только его и ждала все это время.

Возможно, не будь этого разговора жандармов в ресторане, Стас не сориентировался бы так быстро. То, что в сумочке что-то увесистое, он отметил машинально, по привычке, и вдруг, сообразив, бросился к девице на долю секунды раньше, чем она сунула в нее руку. Во вскинутой руке глянул в лицо тупорылый «дамский» браунинг. Стас резко нырнул вниз, пуля ветром прошла по волосам. В эту же секунду он поймал тонкое запястье и привычно выкрутив его от себя и вверх. Террористка выстрелила еще раз, но эта пуля не причинила никакого вреда облакам, а пистолет перекочивал к оперу.

«Куда ее?» – на секунду задумался опер, поймав краем уха

со стороны испуганное оханье свидетелей происходящего. В своем времени было все ясно, а тут... чужой город, чужое время... Он машинально увернулся от пинка девицы, которой явно мешал длинный подол для более сильного и точного удара.

«Ах ты тварь!»

– Товарищ Осип! – вдруг пронзительно закричала она.

«Ах, тут еще и Осип есть!»

Отпустив ее руку, Стас резко развернулся назад. Прямо на него, вытаскивая что-то из-за пазухи, двигался парень, то ли в гимназической, то ли в студенческой (Стас в этих тонкостях не разбирался) форме. Их разделяло метров пять-семь. Так и есть! В руке незнакомца появился револьвер, который он не мешкая навел на опера. Припав на одно колено, как учили, Стас выбросил вперед руку с пистолетом и нажал спуск. Однако выстрела не последовало. Грохот выстрела «студента», короткий свист возле правого уха.

– Стоять! – закричал кто-то, и ударили выстрелы.

Стас бросился под ноги «студенту», перекатываясь, чтобы подсесть его, но тот неожиданно стал валиться на него. Вывернувшись из-под падающего тела, Сизов рванул его на себя. И увидел ничего не выражающее лицо с закатившимися глазами. Голова бессильно мотнулась – студент был мертв. На виске его зияла дырка, из которой по щеке сбегала струйка темной крови.

– Бросить оружие! – скомандовал кто-то за спиной.

Стас откинул браунинг на газон и повернулся. Перед ним, с пистолетами в руках, стояли трое жандармов, сидевших за соседним столиком.

– Что случилось? – спросил пожилой ротмистр, тяжело дыша.

– Как видите, меня хотели убить, – пожал плечами опер. – Видимо, вы были правы, нужно в пустыню уходить.

Жандармы быстро переглянулись. Никаких дурацких вопросов не последовало – они, конечно, помнили его, и то, что он слышал их разговор, сообразить труда не составляло.

– А, так это вы социалиста вчера пристрелили? – хмыкнул «лощенный». – Примите поздравления, отличный выстрел.

– Покажите, пожалуйста, документы, – непреклонно набычился старый жандарм.

Прочитав паспорт и удостоверение, он молча протянул их Стасу. В нескольких шагах уже маячили двое городских. Оперативно они тут работают, надо признать. Конечно, когда городские на каждом углу. Впрочем, по рассказам стариков, и у нас было не хуже, пока Хрущеву сдуру не показалось, что преступность находится при последнем издыхании. Лысый кукурузник, недолго думая, объявил во всеуслышание, что в 1980 году покажет последнего преступника в музее, а милицию, ничтоже сумняшеся, сократил. С тех самых пор несколько постовых «закрывали» не часть улицы, а часть района, а опера и участковые ногами отрабатывали то, что недосмотрела патрульно-постовая служба.

– Тут девица где-то была, – спохватился Стас. – Она в меня первая стреляла.

– Какая девица? – опять переглянулись жандармы.

– Девицу видали? – обратился Всеволод к городовым.

– Какая-то девица на извозчике укатила минуту назад, – степенно козырнув, ответил один из городских. – Но я это издалека видел, остановить не мог.

– Ладно, – устало сказал Стас. – Я ее сам прошляпил, пока с ее напарником возился. Шустрая, стерва, как выюн.

– Что происходит, господа? – к ним подходил в распахнутой шубе Аркадий Францевич.

– Простите? – вздернув голову, повернулся к нему «лощеный».

– Успокойтесь, поручик, – одернул его пожилой. – Это статский советник Кошко. Здравствуйте, Аркадий Францевич.

– Рад видеть, Филипп Осипович, – протянул руку тот. – Вы, Станислав, смотрю, пользуетесь шумным успехом.

Стас криво усмехнулся, пожав плечами. А что он еще мог сказать?

Добрых два часа их промурыжили в отделении. Когда Стас, усталый и злой, вошел в холл гостиницы, вся жандармская троица находилась там. Увидев его, они дружно встали с кресел.

«Ну, блин, еще и эти!»

Но, как выяснилось, цели жандармов были далеки от слу-

жебных.

– Позвольте представиться, – щелкнул каблуками Всеволод. – Поручик Исаев. Всеволод.

– Поручик Тиссен. Друзья зовут меня Ники.

– Штаб-ротмистр Павлов. Филипп Осипович. Просим с нами отобедать.

– Поручик... виноват... коллежский секретарь Сизов. Станислав. Меня вообще-то Аркадий Францевич ждет, – пожимая всем троим руки, неуверенно ответил Стас.

Оговорку он допустил умышленно, чтобы не подумали, что он какой-нибудь «шпак». Кроме того, он что-то смутно помнил, опять же из художественной литературы, что жандармы сами были весьма заносчивы и такое простецкое отношение им было несвойственно. Там, кроме этого, упоминалось, что жандармам подавать руку вроде бы было не принято. Впрочем, это, кажется, касалось военных, а он-то такая же ищейка, как и эти трое. Да и черт с ним.

«За „не знаю“ не отвечаю», – озорно подумал Стас, вспомнив весьма к месту одну из самых распространенных «отко-ряк» в блатной среде.

– Аркадий Францевич по приказу свыше срочно выехал в Петербург, – сообщил штаб-ротмистр. – Просил передать, чтобы вы выезжали следом. Но сегодня поездов до Петербурга уже не будет. Поедете завтра утром.

– А мы сами завтра уезжаем туда же, – сообщил Всеволод. – Так что поедем вместе, если не возражаете.

– Не возражаю, – отозвался Стас, мимоходом подумав, что в компании трех жандармских офицеров его убить будет несколько посложнее.

– Ну, что, господа? Все формальности улажены, все верительные грамоты вручены, – ехидно встрял лощеный Ники. – Пора за стол! Нет-нет, в ресторане пускай купчишки пьют, нам неуместно, – добавил он, увидев, что Стас покосился в сторону ресторана.

Они поднялись в номер, где уже был накрыт шикарный стол. Впрочем, вполне возможно, что шикарным он был только в глазах опера времен перестройки, а здесь считался вполне обычным или даже чем-то на уровне нашего «водка, килька, плавленый сырок».

– Я полагаю, мне нужно внести свою долю, – не очень уверенно обратился он к Филиппу Осиповичу, но тот в ответ только махнул рукой.

– И думать не смейте!

– Это стол в вашу честь! – смеясь, пояснил Всеволод. – За спасение господина Столыпина, дай ему Бог долгих лет жизни, и за ваш меткий выстрел!

– Воля ваша, – не стал спорить опер.

...Стас сидел в купе, не высовывая носа, а поезд вез его напрямик в Петербург. Всеволод дрых как дитя на верхней полке. Неплохими ребятами оказались эти жандармы. Совершенно ничего общего с тем, что писали о них в книжках

его детства. Зато если сравнивать с комитетчиками или с фэ-эсбэшниками, как они сейчас зовутся, то как горошины из одного стручка. Даже пьяные вели разговор грамотно, говоря много, но ни слова лишнего. И, само собой, «раскручивали» его, как могли. И не их вина, что «лишнего» ничего так и не узнали.

Стас усмехнулся. Что с них возьмешь, работа такая. А вот он много интересного узнал. Потому что на «прочие» темы они говорили охотно и много, а его и не интересовали их секреты. Хватило за глаза и того, что он стал лучше понимать местную расстановку сил. Кстати, она его совсем не обрадовала.

Хотя с 1907 года стараниями Столыпина волна террора в стране пошла на спад, полностью он не прекратился. По неполным данным, за последние пару лет отмечено около двадцати тысяч (!) террористических актов и экспроприаций, от которых пострадало по всей империи больше семи с половиной тысяч человек.

– И сейчас все идет к тому, что будет еще хуже, – мрачно поделился прогнозом штаб-ротмистр. – Потому что положение премьера не просто хреновое, а наихренейшее.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался опер. – Вот с этого места поподробней, пожалуйста.

Ему разъяснили, что, во-первых, реформы Столыпина нужного эффекта все-таки не дали, потому как, взясь с крестьянами, премьер упорно не желает замечать так называе-

мый «рабочий класс»...

– А это ему боком выйдет, – пьяно щурясь, покачал указательным пальцем Ники.

Во-вторых, как оказалось, уважаемый Петр Аркадьевич в правительстве – едва ли не единственный монархист. Мнения всех остальных колебались от конституционной монархии до анархического антигосударственного общества.

– Все республиканцы и д-демократы, б-бля, – прохрипел уже изрядно «кривой» Филипп Осипович. – Р-робеспьеры, с-суки....

В общем, чудно время провели. Теперь новые приятели дрыхли по своим местам, один Стас думу думал. Завтра они уже будут в Питере. Предстоит встреча с премьером. Опер был уверен, что точно знает, чего тот хочет. Вот только вопрос – надо ли все это самому Стасу? Не факт, однако.

«А, утро вечера мудренее!» И, махнув на все рукой, он завалился спать.

...Еще прощаясь с новыми товарищами, Стас заметил коренастого господина в клетчатом пальто, который поглядывал на него украдкой, но отвернулся, встретившись глазами. На секунду мелькнула малодушная мысль – тормознуть жандармов, сообщить, что за ним опять «хвост», но гордость не позволила.

Однако, получив сигнал тревоги, включились сами собой все восемь чувств опера. И, едва попрощавшись, он уже за-

сек второго. Молодой, элегантно одетый, с дамой, он зыркал на него, но, едва оказавшись в поле зрения Стаса, начал беззаботно смеяться и что-то говорить женщине. Что-то знакомое привиделось оперу, но та стояла спиной. Едва он успел сделать пару шагов, дама, не выдержав, повернула голову. Совсем немного, в три четверти, но он ее узнал! Та, что стреляла в него на Фундуклеевской, рядом с киевским «Эрмитажем»! Если до этого момента еще теплилась слабенькая надежда, что это не слежка, а игра расшалившихся нервов, то теперь последние сомнения отпали. Ждали именно его. И явно не затем, чтобы поздравить с прибытием в Северную Пальмиру.

Воспользовавшись тем, что грузный носильщик с чемоданом на плече на миг загородил троицу, Стас быстро вытащил парабеллум и сунул его в карман пальто. Вот чем хорош люгер, так это тем, что механизм затвора у него рычаговый. Если карман просторный, вполне можно стрелять, не вынимая руки, прямо сквозь подклад. С рамным затвором такой фокус небезопасен.

Попутно Стас быстро прикинул – а не метнуться ли к поезду? Проскочив под вагонами, можно сильно осложнить задачу этим мокрушникам. Однако не стал. И не из глупой гордости, а просто потому, что мог не успеть. Сделав окончательный выбор, Стас пошел прямо на «клетчатого». Но тот неожиданно сделал шаг навстречу и, вежливо коснувшись пальцами края котелка, тихо сказал: «Штаб-ротмистр Суде-

ев, прислан Петром Аркадьевичем...»

– Сзади вас два террориста, – быстро, сквозь зубы, сказал Стас. – Осторожно...

И, не успев договорить, увидел, как молодой, выхватив пистолет, поднимает его на уровень глаз. Между ними были люди, и стрелять сквозь карман было рискованно. С силой оттолкнув Судеева в сторону, опер присел, уходя с линии огня, и в этот момент загревели выстрелы. Возле уха противно свистнула пуля, пронзительно закричала женщина. Вскинув пистолет, Стас выстрелил и увидел, как молодой, пошатнувшись, схватился за грудь и стал заваливаться на стену, оставляя на ней размазанную полосу крови. В ту же секунду голова террористки дернулась, и ее затылок словно взорвался, выплеснув на стену темно-красный сгусток.

«Ротмистр попал, – машинально отметил Стас, чувствуя, что все эти „гонки“ начинают ему надоедать. – Нет, точно пора сваливать. До бесконечности везти никому не может. Не в этот раз, так в следующий укокошат. Настырные ребята...»

– Цел? – коротко спросил штаб-ротмистр.

Стас машинально кивнул, неотрывно глядя на лицо террористки. Большие глаза, не мигая, смотрели в серое небо, и только ровная дырочка во лбу говорила о том, что они уже ничего не видят.

«Молодая красивая девка, – с какой-то обидой подумал опер. – И какого рожна тебе было в этих революциях? Влюб-

лялась бы, детей бы рожала... дура, мать твою...».

– Клавдия Кислякова, белошвейка, – негромко сказал появившийся неизвестно откуда городской.

– Знали ее? – повернулся к нему Судеев.

– С полгода уже в розыске висит... висела... Что прикажете, Кирилл Степанович?

– Оформляй все, как положено, – устало сказал тот. – Репорт через пару часов пришлю. Поехали, господин Сизов, Петр Аркадьевич ждет.

...На столе горела лампа под конусным абажуром из ткани, хотя на улице было уже светло.

– Проходите, Станислав, присаживайтесь. Вы сами-то православный?

– Да, – рассеянно ответил Стас, поудобнее устраиваясь в кожаном кресле. – А что, разве я на русского не похож?

– Имя у вас польское. А они в основном латинисты. Ну да Бог с ними. Пригласил я вас вот по какому поводу. Во-первых, согласны ли вы принять мое предложение? То, что я сделал в Киеве?

– Предложение, чего греха таить, заманчивое, – серьезно ответил Стас. – Однако бесплатных пирожных не бывает. Для начала объясните, хотя бы в общих чертах, что будет входить в мои обязанности? Я пределы своих возможностей знаю и деньги зазря получать не приучен.

Столыпин усмехнулся. Усмешка получилась какая-то ко-

варная и одновременно грустная.

– Собственно, ответ – это плавный переход ко второму вопросу.

Он бросил на Стаса испытующий взгляд, но тот никак не прореагировал, просто сидел и ждал. Одно из «золотых правил» опера – если собеседник хочет что-то сказать, не мешай, дай ему высказаться.

– Наши полицейские специалисты изучили ваши документы и пистолет и в один голос утверждают, что и то и другое изготовлено фабричным способом. Причем технологии довольно сильно отличаются от ныне существующих. Не то чтобы они совсем неизвестные, но другие. В общем, либо вы действительно гость из грядущего, либо мы все сошли с ума. А если присовокупить сюда мое неожиданное спасение, то лично у меня сомнений не остается.

Стас вежливо наклонил голову.

– Теперь о ваших обязанностях. Советник. Тайный, если угодно. Вы знаете наше будущее. Кстати, теперь это и ваше будущее тоже.

– Я понимаю, – криво улыбнулся Стас.

Уж что-что, а это-то он и впрямь понимал. Как и серьезность той задачи, которую премьер эдак ненавязчиво пытается на него повесить.

– Мне вот, простите великодушно, одно непонятно, – продолжил Столыпин. – Государство у вас, как я понял, социалистическое. С какой тогда, спрашивается, стати, вы крова-

вого царского сатрапа спасти кинулись? Не вяжется как-то, согласитесь.

Министр смотрел пристально.

«Гляди, гляди, – ухмыльнулся про себя опер. – Сколько на меня уже глядели, ты бы знал... Привык, знаешь ли...»

– Ну, государство наше уже месяцев пять как не социалистическое. Говоря коротко, тот эксперимент, который сейчас начали большевики, признан неудачным. Хотя, конечно, это не может служить вам утешением. Не уверен, что мы можем изменить все, но кое-что можно попробовать. С вашей помощью, естественно.

– Не хочется мне верить в то, что вы говорите, – медленно сказал премьер. – Но факты, как говорят англичане, самая упрямая вещь. Так помогите! Если мы с вами на одной стороне.

«А вот это не факт, – подумал Стас. – Мне теперь окончательно ясно, что монархия, по крайней мере, в том виде, как здесь, свое отжила и подняться ей не дадут, скорее всего... Зря, что ли, у меня три курса истфака за плечами? Но как мне в этом убедить правоверного монархиста? Задача, блин.... Этот государь император мне, говоря откровенно, доверия не внушает».

– Вот что, ваше высокопревосходительство, – решительно сказал Стас. – Давайте-ка я вам расскажу все по порядку. А потом скажу, что, на мой взгляд, нужно делать. И тогда уже вы решите, стоит мне предлагать работу или лучше в «сто-

лыпинский галстук» меня засунуть.

– Зовите меня Петр Аркадьевич, – коротко ответил премьер. – И не надо из меня чудовище делать. Я слушаю вас очень внимательно.

Глава 7

«Вольный стрелок»

... – Ну-с, чем порадуете?

– Вот! – Стас положил перед премьером бювар и потер пальцами красные глаза.

– Садитесь, Станислав, – кивнул Столыпин. – Я вижу, что вы не выспались, но не отпущу пока, простите великодушно. Возникшие вопросы лучше разрешать сразу.

– Да, конечно, – кивнул Стас, присаживаясь.

Спать хотелось смертельно. Настолько, что немело лицо и не слушались пальцы. Чтобы отвлечься, он незаметно, как ему казалось, стал рассматривать Столыпина. Он уже знал, что они с Курловым провели блестящую операцию по обезглавливанию масонских лож. Сейчас уже в прессе стоял такой визг, что закладывало уши.

Еще бы! Черный реакционер Столыпин и жандарм Курлов подняли свои кровавые руки на цвет русского общества. Вот интересно, врачи, инженеры, учителя – не цвет, а эти бездельники, истово ненавидящие собственную Родину, с потрохами готовые ее сожрать – цвет. Чудны дела твои, Господи...

Премьер поморщился, задев раненой рукой край стола. И об этом Стас уже знал. При аресте прибывшей из Франции разведчицы масонов Архангельской-Авчинниковой некий

отставной гвардии полковник Козлянинов, выхватив револьвер, успел два раза выстрелить, прежде чем его скрутили. Жандармский офицер, заслонивший собой премьера, был убит наповал, но вторая пуля попала Столыпину в руку.

«Хорошая примета, – подумал опер. – Если бы ты был не жилец, рукой бы не отделался».

Правда, такого «гнойника», который они вскрыли, не ожидали даже сами жандармы. Но очень быстро сверху пришло высочайшее повеление – аресты прекратить! Ну, и за трое суток Столыпин с Курловым успели немало. Но все хорошее кончается, закончилось и это. Выйдя от императора, Курлов отдал приказ: хватит! Документируйте тех, кто уже есть. Поотсекали часть щупальцев, и на том спасибо. А до головы не добраться. Пока не добраться, поскольку она за границей. Тем не менее российскому масонству был нанесен жестокий удар, от которого оно, будем надеяться, оправится нескоро.

Размышляя, Стас и сам не заметил, как вырубился. Он очнулся, только когда услышал, как премьер нарочито громко откашливается.

– Да, слушаю вас, – хрипло сказал он, продирая глаза.

Удивительно, всего каких-то несколько минут сна, а он уже чувствовал себя совершенно бодрым.

– Сейчас чайку с лимоном выпьем, и вы мне кое-что разъясните.

Дверь кабинета тихо открылась, девушка в белой накол-

ке внесла поднос, накрытый салфеткой, и поставила его на стол. На «спасибо» премьера сделала книксен и так же тихо вышла.

– Прошу вас! – Столыпин снял салфетку.

Отхлебнув горячего янтарного чая, Стас почувствовал, что жизнь вернулась к нему окончательно.

– Итак, – пригубив из стакана, премьер ткнул пальцем в документ. – «Вольный стрелок» – это то, что я думаю?

– Да, – кивнул Стас. – Агент с односторонней связью и чрезвычайными полномочиями.

– С односторонней – это...

– Это значит, что я могу вам в случае необходимости позвонить, – продолжил опер. – А у вас связи со мной не будет.

– Мне это не нравится, но объясните.

– Охотно. Мы оба знаем конечную цель задания. Но обстановка уже изменилась. Вы живы, слава богу, и жандармами по-прежнему командует Курлов, а не предатель Джунковский.

– Ну, этот господин в данный момент претендовать может разве что на должность старшего по камере, – зловеще оскалился Столыпин.

– Это радует, – скупое обронил Стас. – Но и лишний раз подтверждает то, что колесо истории изменило ход и события уже не будут развиваться так, как это было в моем прошлом. Я еще могу при необходимости внести нужные коррективы, а вы мне в этом, простите, не помощник.

– Ладно, – кивнул премьер. – Надо так надо. Теперь по объявлениям в газете.

– По объявлениям... вы регулярно выставляете условленное объявление. Если его не будет, я звоню вам или связываюсь другим способом. Я делаю то же самое. Если мои объявления исчезли, значит, я мертв или под контролем.

– Ясно, – кивнул Столыпин. – Скажите, а вы их не переоцениваете? Я революционеров имею в виду... Такие сложности...

– Вы их недооценили, – не слишком дипломатично буркнул Стас. – И они вас слопали с потрохами. Я уж лучше перестрахуюсь. Хочется, знаете, в новой России пожить по-человечески.

– Когда планируете начать?

– Да прямо сейчас и планирую, – пожал плечами опер. – А чего кота за все подробности тянуть?

– Нет уж, – решительно сказал премьер. – Сегодняшний вечер, пожалуйста, посвятите мне. Я дочерям обещал вас на ужин привезти. А оттуда вас сразу на конспиративную квартиру доставят. Договорились?

– Договорились, – кивнул Стас.

– Станислав, – окликнул его у самых дверей премьер, – я хотел бы вам на всякий случай напомнить...

– Да, – повернулся к нему Стас.

– ...моя дочь Наталья после покушения в прошлом году...

– Я помню, – серьезно ответил он. – Не беспокойтесь, ме-

ня трудно смутить такими вещами.

– Благодарю вас. Она еще не оправилась... ну, вы понимаете.

Стас кивнул. После того как ему пришлось собирать куски тел вокруг взорвавшегося автобуса, его, наверное, ничем уже пронять нельзя. И другого хватало. Он помнил, конечно, что у Натальи, средней дочери Столыпина, взрывом покалечило ноги. Ну и что? Хотя понятно, что он беспокоится. Отец же.

– Мы перед вами в вечном долгу за спасение папеньки.

– Напоите меня кофе, – улыбнулся Стас. – И будем считать, что мы в расчете.

Вот бывает же такое! Ведь самая обыкновенная девушка – круглолицая, глазастая. По большому счету и красивой-то не назовешь. И поди ж ты... Стас, едва глянул в эти серые глаза, сразу понял, что пропал. Никогда с ним такого еще не было. Женился, развелся... слава богу, хоть детей не было, сейчас бы с ума по ним сходил. И женщин было – не сосчитать, самых разных. Он вдруг почувствовал, как кровь прилила к щекам. Этого еще не хватало!

– Станислав, – воскликнула младшая, которую звали Елена, – что вы так покраснели?

– Жарковато у вас...

Бросив взгляд на Наташу, он увидел, что она смущена не меньше его.

– Давайте-ка за стол, молодежь, – спас положение Столы-

пин. – Гостя, как и соловья, одними баснями кормить не рекомендуется.

Однако опер успел заметить, как они с Наташей, пряча улыбки, обменялись быстрыми взглядами.

«Ну-ну, – подумал Стас. – Хихикайте. Да что же такое, в самом-то деле? Неужто я влюбился? Уму непостижимо».

За обедом обстановка разрядилась. Столыпин очень смешно, в лицах, рассказывал разные случаи из своей жизни. Стас улыбался, девушки заливались смехом. Изредка, украдкой, как ему казалось, он поглядывал на Наташу.

– Станислав, ну так же нельзя! – укоризненно сказала ехидная, как все младшие сестры, Елена. – Вы на Наташу смотрите, как Казбич на Бэлу – вот сейчас схватите и украдете!

Наташа ощутимо порозовела.

– Ленка!

– Увы! – скорчил огорченную мину Стас. – Мой Карагез сегодня остался дома. Мы с вашим папенькой приехали на извозчике. А это, сами понимаете, не то.

– Да! – Елена огорченно вздохнула, озорные глаза так и метали искры. – Нынешние кавалеры – не дикие горцы, романтика им чужда.

– Да, – в тон ей отозвался отец, – и домашние, и не горцы. Ленских всех перестреляли, остались одни Онегины. Простите великодушно, дочери, но кавалера вашего я забираю! – Столыпин-отец, поднявшись из-за стола, согнулся в шутов-

ском полупоклоне. — Дела, барышни, уж не посетуйте.

— Ну, что ж поделаешь, — печально развела руками Елена. — Забирайте, папенька... Все равно он для нас уже старый.

Весь вид ее выражал воплощенную скорбь, и только озорной взгляд под трепещущими ресницами выдавал, что она с трудом удерживается от смеха.

— Да идите уже, — рассмеялась она. — А мы, бедные затворницы, поскучаем, нам не привыкать.

— Это, к сожалению, правда, — вздохнул премьер, когда они вошли в кабинет. — После того взрыва живут, как в ските. Для этих мерзавцев ничего святого нет, им все равно — старик, женщина, ребенок... у них же светлые идеалы! Простите.

Стас молча кивнул.

— Ладно, давайте к делу. А кстати, что вы там такое вспомнили за чаем? — он крутанул в воздухе пальцами. — Глаза у вас эдак... блеснули, я же видел.

— Скажите... — Опер замолк, собираясь с мыслями. — Вы знаете, что такое кимберлитовая трубка?

— Нелепый вопрос, — пожал плечами Столыпин. — Знаю, конечно.

— А если я вам укажу место, где находится еще не открытая кимберлитовая трубка, как быстро мы сможем начать ее разработку? Для совершения революции требуются огром-

ные суммы, это только дураки и профаны верят, что достаточно поднять народ. А на то, чтобы революцию загасить, нужны средства не меньшие, а большие.

– Согласен, – кивнул премьер, потирая лоб. – В какой срок, говорите? А вы действительно знаете такое место? Хм... ну, если что и представляет какую-то трудность, так это только дипломатические сложности... Хотя и их быть не должно – в Африке, знаете ли...

– Это не в Африке, – усмехнулся Стас. – Это в Архангельской области... виноват, губернии.

– Что? – развернулся к нему Столыпин. – Вы хотите сказать...

– Да, именно это я и хочу сказать. Там кимберлитовая трубка. И не одна. Четыре или пять, точно не помню. Точно я могу указать одну. Впрочем, как я понимаю, в процессе можно вокруг вести разведку.

– Кимберлитовая трубка в Архангельской губернии! – Премьер в возбуждении заходил по кабинету. – Да вы себе представляете, какие горы мы с вами своротить можем?! Ведь до сей поры алмазы в России добывались только россыпью. А это...

– Простите, я знаю, – не очень вежливо перебил его Стас. – В Якутии и на Урале. В Якутии, кстати, тоже трубка есть. Но ее еще не открыли.

– Вы суший пророк, – усмехнулся собеседник. – Я иногда задумывался – может, те пророки тоже, как и вы, из грядуще-

го являлись. Только, в отличие от вас, признаваться в этом не спешили. Вы ведь тоже могли этим путем пойти. Глядишь, самого Распутина за пояс бы заткнули.

Говоря «самого», Столыпин заметно покривился, словно раскусил горькую миндалину.

«Не любишь ты „святого старца“, – подумал опер. – По истории помню, что врагами вы были лютыми. Хотя чего делить-то было? Гришка, конечно, тот еще сукин сын...»

– А кстати, – повернув голову, Стас увидел, что премьер пристально смотрит на него. – Почему вы по этой дорожке не пошли?

Опер бестрепетно встретил взгляд Столыпина.

«Нашел „кадета“ – взглядом давить», – весело подумал он.

Была у него, что греха таить, такая мыслишка. Ну, покуражился бы он лет пять, а потом... нет уж, две «перестройки» на одну жизнь многовато будет. Дешевле, ей-богу, революции хребет сломать. Если не февральской, то Октябрьской – обязательно. Только рокировку небольшую произвести.

– Я – русский офицер, – сказал он, заметив, что премьер все еще ждет ответа. – Разве этого мало?

...Стас был абсолютно прав. Колесо истории, замершее на миллисекунду, скрипнуло, перемалывая угодившую в зубцы песчинку, и продолжало свое неумолимое вращение. Однако оно чуть-чуть сбилось с прежнего хода... совсем немного, но достаточно, чтобы несколько мелких шестеренок закру-

тились по-другому.

Остался жив премьер-министр Российской империи Петр Аркадьевич Столыпин. И следовательно, усиленного варианта несения службы, того, что заставило полицию и жандармов буквально «рыть носом землю», никто не объявил. И людей, которые в прежней жизни были задержаны в ходе этих облав, никто не задержал.

Молодой человек, по прежнему варианту задержанный жандармами в знаменитом «Bonbon de Varsovie», едва успев заказать кофе, теперь продолжал смаковать его без помех. Лицом парень был смугл, носил усы – вся его внешность явно выдавала в нем горца. Впрочем, эпитет «дикий», который так любят ставить впереди этого слова, к нему совершенно не подходил. Вполне приличный костюм сидел на нем как влитой, а поведение явно свидетельствовало о хороших манерах. Звали этого молодого человека Иосиф. Это было имя, данное ему при рождении. Друзья же звали его просто – Сосо.

Он поставил опустевшую чашечку на столик, взглянул на циферблат карманных часов. Тот, кого он здесь ждал, уже опаздывал на две минуты. Вот чего он не любил, так это необязательности. Впрочем, приходилось скрепя сердце терпеть. Человек должен был принести ему новый паспорт. Неделю назад Сосо бежал из ссылки, которую отбывал в городке под названием Сольвычегодск. И теперь любой полицейский, бросив на него взгляд, мог потребовать документы.

Сосо снова посмотрел на часы – минутная стрелка уже миновала зенит, медленно подползая к цифре «1». Дело плохо. Нужно уходить. Как бы он ни относился к «бомбистам», но они – народ серьезный, и дисциплина у них на должном уровне. Это не просто опоздание, значит, случилось что-то экстраординарное. Положив деньги на стол, он не торопясь вышел из кофейни и пошел по улице.

Спешить было некуда и незачем – хозяин конспиративной квартиры, где жил Сосо, предупредил, что ожидается поквартирный обход. Он приятельствовал с околоточным надзирателем, который полагал, что Арсений (так звали хозяина) просто торгует контрабандным товаром. Строго говоря, так оно и было, в связи с чем околоточному регулярно перепадало «на лапу».

Пожалуй, стоило спокойно присесть и покурить. Ноги уже гудели, он «гулял» по городу с утра. Самое неприятное – это перерыв в делах. На вчерашней сходке Старик ясно дал понять, что примерно с неделю нужно «полежать на дне». По Петербургу прокатилась волна арестов. Правда, на сей раз хватали не «неблагонадежных» и не уголовный элемент – под раздачу попала так называемая творческая интеллигенция.

Усевшись на скамейку, Сосо с удовольствием закурил папиросу, и невольно залюбовался двумя молоденькими девушками, сидящими на скамейке напротив. Одну он назвал про себя Бойкой – она то и дело, прысая в кулак, что-то

показывала подружке в книге, временами, не удержавшись, заливисто смеялась. Вторая, которую Сосо назвал Тихоней, делала «страшные глаза», шепотом выговаривая подружке за несдержанность.

Он улыбнулся в усы. Жизнь профессионального революционера оставляет мало места для прекрасного. В том числе и для девушек. Что уж говорить о нелегале... Сосо не был чужд лирике – он очень любил поэзию, даже сам писал стихи. Подобные моменты были для него как лучик света для узника, коротающего жизнь в темном подвале.

– Эй, инородец! – подвыпивший пожилой мужчина, по виду мастеровой, остановился в нескольких шагах от него и, засунув большие пальцы за ремень, покачивался с пятки на носок. – Ты чего на наших баб тут пялишься?

От него за версту несло водкой и агрессией. Такие, всю жизнь страдая от чувства собственной второсортности, напившись, стремятся кого-то унижить, воображая, что сами от этого становятся выше и значительнее.

– Простите, это вы мне? – повернулся к нему Сосо.

– Нет! – зло рассмеявшись, хлопнул себя по коленям мастеровой. – Себе ...твою мать!

Кровь бросилась в лицо горцу.

– Ты, не тронь мою мать, шакал!

– Ишь ты! – продолжал куражиться пьяный. – Вот и катись к своей матери! А то понаехали сюда на баб наших пялиться!

– Послушайте, господин! – вскочила со скамейки Бой-

кая. – Ведите себя прилично! А то я и полицию позову!

– Да пошла ты, свиристелка, – отмахнулся тот, продолжая наступать на Сосо. – Полицией она меня пугать будет!

Есть вещи, которые мужчина не должен спускать никогда и никому. Сосо, будучи подростком, попал под повозку, и с тех пор левая рука действовала плохо. Но разве от этого он перестал быть мужчиной?

– Извинись перед девушкой, ты, пьянь!

– Че-го-о? – издевательски протянул тот и потянулся раскрытой ладонью к лицу упрямого горца.

Жестокий удар в челюсть опрокинул дебошира навзничь.

– Эй, ребята, наших бьют! – услышал за спиной Сосо и увидел еще двоих мастеровых, бегущих к нему.

– Бегите! – закричали ему девушки.

Не мог он бежать. И не только потому, что прихрамывал. Он мужчина, а мужчины от опасности не бегают, они ее встречают. И Сосо, шагнув навстречу, ударил в лицо первого. Но тот только мотнул головой, как бык, и ударил в ответ так, что свет померк в глазах, а рот наполнился кровью.

– Бей его! – донеслось словно издалека, и на него градом посыпались тяжелые удары.

Сосо еще как-то умудрился привстать, и от точного удара в солнечное сплетение один из хулиганов, застонав, упал на колени. И вдруг все кончилось. Как в красном тумане, он увидел, что на его обидчиков напал какой-то мужчина лет тридцати. Вот это был мастер! От короткого удара в печень

задира, начавший драку, согнулся с тяжким стоном, заваливаясь набок. Второй, не успев опомниться, взвился в воздух, и так плотно шлепнулся о землю, что остался лежать на спине, хватая ртом воздух. Третий, самый сообразительный, бросился наутек.

– Браво, Станислав! – воскликнула Тихоня.

Издалека слышалась трель полицейского свистка. Ну вот, только этого и не хватало...

– Можешь идти? – быстро повернулся к нему Станислав. – А то нет у меня желания с фараонами встречаться.

Сосо, не отвечая, бросился через газон и проезжую часть к проходным дворам. Нырнув под арку, он остановился, со стоном покачнувшись. Но взял себя в руки и осмотрел внешний вид. Да-а... В таком виде только до первого городского. Рукав пиджака почти начисто оторван, воротник рубашки свисает рядом с галстуком. И к тому же весь в пыли.

Сосо шутливо развел руками – мол, вот, извольте видеть. Переступив, он невольно поморщился – один из ударов пришелся по давней травме на ноге.

– Вы же хромаете! – Бойкая смотрела на него в упор своими глазами. – Я еще на бульваре заметила.

– Что с ногой? – прямо спросил Станислав.

– Да ерунда, – улыбнувшись, ответил революционер. – Нога когда-то сломана была. Сегодня ей опять досталось.

Тихоня смотрела на него, широко раскрыв глаза.

– А! – махнул рукой Сосо. – Да не волнуйтесь вы так, я

вас прошу!

– В самом деле, – поддержал его Станислав. – Волноваться не будем. Так, девушки, бегите вперед и все организуйте. А мы пойдем не спеша.

Они и шли проходными дворами, где на веревках сушились юбки, рубахи да кальсоны. Узкими переулочками, где сопливая малышня беззаботно играла прямо на мостовой, не опасаясь попасть под пролетку или мчавшееся авто. Потом вновь вышли на широкую улицу, где гуляла чистая публика.

Сосо испытывал двойственное чувство. С одной стороны, это приключение пришлось как нельзя кстати. Когда идти совершенно некуда, хоть на какое-то время «сын человеческий» обретет место, где можно будет «приклонить голову». Учась в семинарии, он великолепно знал евангельские тексты и нередко пользовался ими, как метафорами. Про себя, естественно.

С другой – слишком уж кстати. Жандармы на такие «спектакли» большие мастера. Вполне может быть, что и пьяные мастеровые, и эта троица – просто статисты, разыгравшие фарс с единственной целью – втереться к нему в доверие.

«А что ты за птица такая, товарищ Коба, чтобы жандармы ради тебя трагедии Шекспира на улицах разыгрывали? – спросил он сам себя. – С тобой один разговор – беглый ссыльный? В кутузку!»

К тому же изменить все равно ничего уже нельзя.

«Цугцванг», – вспомнил он шахматный термин, очень

точно отражающий положение дел.

И продолжал спокойно, чуть прихрамывая, шагать рядом со Станиславом. Тот, кстати сказать, на «подставного» не походил ничуть. Ни болтливости, ни назойливого общения. Сосо с ними встречался достаточно, чтобы понять, что его спаситель к ним – никаким боком. «Статисты» без устали рассказывают свои истории, стараясь разговорить собеседника. Чтобы тот, в ходе разговора, разоткровенничался и, может быть, сболтнул бы нечаянно что-нибудь лишнее.

Это проходило со многими, но только не с ним. Сосо был недоверчив. К тому же его аналитический ум очень быстро вылавливал в разговоре какую-нибудь неувязку или логическую нестыковку. А осознав ее, он мгновенно замыкался, используя любой благовидный предлог – сонливость, головную боль, да все что угодно. Правда, в глазах этого парня мелькнуло что-то, Сосо так и не понял, что? Интерес? Сочувствие? Или, вообще, человек свое что-то вспомнил?

«Господи, неужели это и есть Сталин? – думал Стас, неторопливо шагая рядом с прихрамывающим Сосо. – Я кручу комбинацию с отцом народов? Это ж охренеть можно! Деться ему сейчас некуда, идет как миленький. Явку, где он скрывался, они прихлопнули. Хозяин, помимо всего прочего, еще и барыгой оказался – сбытом краденого промышлял. Так что путь у него один. Сейчас нога будет болеть все сильнее. А мы – люди благодарные и мягкосердечные. Приютим, конечно, куды ж мы денемся с подводной лодки, да в такой шторм?»

Глава 8

На грани фола

...Конспиративная квартира была в приличном доме на втором этаже. Не абы для какой мелкой сошки, а для солидных «клиентов». За обитыми дерматином дверями три просторных комнаты со вполне соответствующей обстановкой. Гостиная с мягким диваном и креслами из тисненой кожи, массивный обеденный стол под плюшевой скатертью окружен венскими стульями, у стены – «горка» с посудой, на окнах плюшевые портьеры. В соседней комнате спальня с широким ложем, пузатым комодом и платяным шкафом.

В третьей был кабинет с книжными полками, удобным креслом за письменным столом, где они сейчас и находились. Здесь и обосновался его гость, обнаружив за китайской ширмой скромную кушетку и сославшись на привычку полистать незатейливый роман на сон грядущий. Плед и подушка дополнили скромное ложе, придав ему незатейливый уют.

Прожив в кабинете пару дней, гость постепенно обвыкся и общался без прежней настороженности. Оценив эти изменения, опер пришел к выводу, что пора «брать быка за рога».

– Слушай, Сосо, – сказал Стас, задумчиво выпуская дым через ноздри. – Ты горец, стало быть, человек прямой...

Тот поставил на стол стакан с чаем и спокойно поглядел

оперу в глаза. И этот взгляд многое сказал. Горцы, конечно, народ прямой. Возможно. Но, несмотря на прямоту, им доступно такое коварство, что всякие там Талейраны и Борджиа в сравнении с ними дети малые. По внимательному взгляду собеседника Стас почувствовал, что верную ноту взял, не сфальшивил.

– Я понимаю, Станислав, что у тебя есть ко мне вопросы, – неторопливо сказал Сосо. – Спрашивай. Я тебе отвечу.

«Да, не ввали историки, – подумал Стас. – Взгляд у него действительно стоит отдельного упоминания. Как у нашего полкового особиста прямо».

Своим спокойным ответом Сосо как-то незаметно перехватил инициативу в разговоре и теперь вел «первую скрипку». Это следовало во что бы то ни стало поломать.

– А я думаю, и спрашивать ничего не стоит, – пожал плечами Сизов. – Я тоже человек прямой, я сибиряк. А ты революционер, это и к бабке не ходи. Бросаешь бомбы и думаешь, что куча трупов приведет тебя к светлому будущему.

Надо отдать должное Сосо – ни один мускул не дрогнул на его лице. Он спокойно, даже с легкой усмешкой, продолжал смотреть на Стаса. Силен, бродяга!

– Я не собираюсь звонить в полицию, – он встал и, пройдясь по комнате, остановился у стола. – И выгонять тебя тоже не собираюсь. Я понимаю, что монархия себя изжила...

Сосо продолжал неотрывно смотреть ему в лицо, даже чуть кивнул, как бы поощряя – ну, давай, давай.

– Но неужели ты всерьез веришь, что, пачками убивая ни в чем не повинных людей, можно как-то улучшить общество? Что это за общество такое будет?

Сосо отхлебнул остывшего чая, встал и, мягко пройдясь по комнате, подошел к Стасу и остановился напротив.

– Я не бомбист, Станислав. Я не убиваю людей. И я не верю, что таким путем можно чего-то достичь. Чего-то путного, я имею в виду, – усмехнулся он совершенно по-сталински. – Я тебе прямо ответил? Как горец. А теперь ты мне скажи прямо, как сибиряк.

Он опять прошелся по комнате и, подойдя, уткнул палец ему в грудь.

– Что сделал лично ты?

– В каком смысле? – приподнял бровь опер.

– Ты сказал, что самодержавие себя изжило, так?

– Так, – кивнул Стас.

– Что сделал лично ты, чтобы это исправить?

«Ого, – подумал опер. – Так, того и гляди, не я его вербану, а он меня заагентурит. Вот, блин, дядя Джо, с тобой хрен расслабишься. Я еще таких, пожалуй что, и не встречал».

Вопрос, прямо скажем, застал его врасплох. Скрывая легкое замешательство, он взял со стола папиросу и, прикурив, потянулся открыть форточку. Сосо с улыбкой наблюдал за всеми этими манипуляциями.

– Я ничего не делал, – выпустив дым, пожал он плечами. – Помогать тем, кто стреляет чиновников, я считаю де-

лом бессмысленным и, главное, недостойным. Убили одного – поставят другого, только и всего. Возможно, еще хуже-го. Или творчество господина Маркса рабочим объяснять? Увольте...

– А чем тебя лично не устраивает господин Маркс?

– Меня? – удивился Стас. – Я-то тут при чем? Ко мне-то этот господин точно никаким боком...

– Как же ты полагаешь, нужно переустроить общество? – серьезно спросил Сосо. – Если ты об этом думал.

– Есть у меня одна идея, – протестки почесал в затылке опер. – Но мне без толковых помощников не обойтись.

– Интересно! – Оппонент сел на стул верхом и пристально посмотрел на Стаса. – А можно поподробнее? Если, конечно, это не секрет.

– Хочешь – слушай. – И опер оседлал стул, стоящий напротив.

...Они встретились на той аллее, где пару дней назад «разрабатывали» Сосо – жандарм Всеволод, сыщик Володя и мент конца XX века.

– Как подопечный? – поинтересовался после приветствия Володя.

– Нормально, – отозвался Стас, усаживаясь на скамейку. – А что, Полина не доложила? Ай-яй-яй! Ты пожюри ее, так же нельзя с куратором.

– Станислав, что тебе в голову приходит! – возмутился

сыщик.

Опер улыбнулся.

Полину, с которой в настоящее время остался Сосо, «сватал» ему именно Коренев. Незаконнорожденная дочь графа ***, она до семнадцати лет росла в далеко не бедной семье, то есть до тех пор, пока не проявила себя как талантливая мошенница. Мать и куча теток пришли в ужас, вся родня (тоже далекая от нищеты) кинулась «заминать» историю, будучи свято уверенной в том, что девочку оклеветали.

– Понимаешь, Станислав, здесь дело не криминальных наклонностях, – рассказывал сыщик. – Душно ей в этом мире. Натура у нее яркая, талантливая, а где ее применить? Начиталась романов, вот и давай чудесить.

Вторая подставная «сестричка», Галина, та и вовсе, несмотря на юные годы, была проституткой со стажем. А куда прикажете податься молодой умной девахе с пятью классами гимназии после смерти отца, бывшего при жизни мелким чиновником? Если раньше семья еще сводила кое-как концы с концами, отец умудрялся как-то платить за гимназию, то после его кончины мать запила горькую. Перед Галиной с двумя сестренками встал вопрос о выживании. И она, будучи человеком решительным, пошла на панель.

Вот уж воистину, не знаешь, где найдешь, где потеряешь... Стас ее попросту «снял» в соответствующем заведении. И нет в этом ничего такого – организм своего требует. А тут, в отличие от СССР, секс был. Не считалось это в обще-

стве чем-то зазорным. Для одинокого мужчины, во всяком случае. Или женатого, но не имеющего возможности получить «по потребности» от собственной супруги. И где, спрашивается, еще можно ознакомить подрастающего отпрыска с реалиями интимных отношений? А там их мягко и ненавязчиво просветят. Но эти познания не выпячивались, как в его время. Ими владели, и только.

Стас никогда не относился к женщинам потребительски. Да и переспать, если честно, мог не с каждой. Дуры приводили его в уныние, плавно перетекающее в импотенцию. Интересно было соблазнять женщин ярких, умных, зная, что успех не гарантирован, но результат того стоил.

Встретившись с Галиной, он неосознанно почувствовал в ней именно такую натуру. И, соответственно, сделал все, чтобы выйти за рамки «обычного» клиента. А потом, поняв, что ремесло выбрано не по склонности, а по необходимости, ненавязчиво перешел к целенаправленной вербовке.

– Еще лет пять и ты станешь невостребованной, если, еще раньше дурную болезнь не подхватишь, – откровенно сказал он. – А тебе еще сестренка поднимать нужно. У нас, конечно, работа не скучная. Может, и лечь под кого придется для пользы дела. Но ты же человек умный, разницу понимаешь – или России служить за нормальные деньги, или мужиков тешить за гроши?

В результате «группа Зет», как он в шутку называл свою «гвардию», украсилась еще одной дамой.

В силу бывшей своей профессии Галина смотрела на мужчин без романтического флера в глазах. Что не удивительно, учитывая шестилетний стаж на панели, это в ее-то двадцать два! А на Сосо она явно стала поглядывать с интересом, а это уже само по себе о многом говорило.

Стас даже почувствовал легкий укол ревности. Притом что Галина относилась к нему очень душевно, от дальнейшей близости с ним она мягко уклонилась. Да, непрост Сосо, совсем непрост. Десять раз подумаешь, прежде чем связаться с такой одаренной натурой.

Сейчас она, одетая бонной, выгуливала свою младшую сестренку, наблюдая за ними со стороны. Никакого конкретного задания он перед ней не ставил, просто сказал:

– Галя, вы девушка умная, просто понаблюдайте за нами со стороны, а потом со мной впечатления поделитесь. У женщин интуиция развита лучше, чем у нас, может, вы-то заметите, что я пропущу.

– Будут какие-нибудь задания, Станислав? – напомнил о себе Всеволод.

– Да, будут, – очнулся Стас от своих мыслей. – Нужен хороший горный инженер. Желательно такой, которому можно доверять. Ну, насколько вообще можно доверять человеку.

– У меня таких нет, – с сожалением отозвался Володя. – А у тебя, Сева?

Ишь ты, Сева... Сошлись, стало быть, характерами. Опер, честно говоря, опасался, что представители столь разных

служб будут испытывать затруднения в общении. Впрочем, чему удивляться? Что сыщик, что жандарм просто обязаны уметь контактировать с самыми разными людьми.

— Кажется, есть один, — сдержанно кивнул тот. — Помнишь, Володя, того студента-жиденка, которого я допрашивал, когда ты зашел?

— А, вспомнил! Точно, у него же молоточки на форме были, а за что ты его?

— Да там курьезу больше, чем преступления, — скупно улыбнулся Всеволод. — Он рабочим вздумал кружок политической грамотности организовать. Да перемудрил немного. Его какой-то умник спросил — а какого вероисповедания Маркс?

— Так он же сатанист вроде, — ухмыльнулся Стас.

— Вот этот умник им прямо так и брякнул, — засмеялся Всеволод. — Побили его рабочие. Спасибо городовому, отобрал да к нам доставил.

— Ну а вы эту душу безгрешную, ясное дело, вербанули на счет «раз».

— А куда его было девать? — пожал плечами жандарм. — Хоть какая-то польза.

— Ну да, — кивнул опер. — Вы его на допрос пригласите, а я рядышком посижу.

Так Стас нашел горного инженера для задуманной экспедиции. Александр, так звали студента, происходил из семьи довольно известного ювелира. Старый Аарон неодобрительно отнесся к затее сына стать горным инженером. Однако,

будучи человеком рассудительным, в конце концов сказал:

– Ладно, Израэль, если не хочешь гранить алмазы, как твой папа, копай их из земли. Мне-таки будет что гранить.

Разговаривая с ним, опер быстро понял, что имеет дело с чистейшим идеалистом. Такие индивидуумы, при умелом обращении, могут стать и честнейшими специалистами, и с бомбой на царя пойти – смотря по тому, в чьи руки попадут. Вот и сейчас, глядя в его глаза, Стас строил схему разговора, чтобы «зацепить» этого парня наверняка.

– Успеваемость у вас отличная, Александр, – вздохнув, вступил он наконец в разговор. – Даже странно как-то. Вам заняться, что ли, нечем было?

– Ну, это же ясно, – пожал плечами тот. – У нас все беды от бескультурья. Вот я и хотел...

– Угу, – хохотнул опер, – наслышан уже. Будущий горный инженер Рошба среди озверевших работяг! Гвоздь сезона! Дамы падают в обморок! Вы городовому в ножки поклонитесь, убили бы вас эти пролетарии.

– Но, согласитесь, народу нужна грамотность!

Вот упрямец! Всеволод тихонько хмыкнул, однако не встревал.

– Саша... Ничего, что я вас так называю? Я ведь постарше. Это вам кто такое сказал?

– Н-ну... – Юноша явно растерялся.

– Сам народ, между прочим, совсем другое говорит. «Дураку и грамота вредна», слышали такую поговорку? Вот к че-

му я категорически склоняюсь, так это к народной мудрости. А вы, простите, поперлись им про их любимого Маркса такие ужасы рассказывать. Вы бы еще волкам лекцию о вегетарианстве читали.

Студент вскинулся, но, закрыв рот, опустил голову.

– Саша, что вы знаете о кимберлитовых трубках?

– Все знаю, – поднял голову Александр. – Я же сын ювелира, как-никак.

– Это правда, что они могут встречаться только в условиях жаркого климата?

– Чушь! Простите, – поправился студент, – но это, в общем, полный бред. Они формировались в глубинах земли, и климат сюда никоим образом... А почему вы спрашиваете?

– У меня есть некоторая информация о том, что на территории Российской империи есть кимберлитовая трубка. Я не ученый, а коммерсант. Но мне нужен хороший горный инженер.

В глазах студента вспыхнул фанатичный огонь, но очень быстро его сменило сомнение.

– Что молчите? Пойдете?

– А почему вы обращаетесь к недоучившемуся студенту? На такое, только слово скажи, самые маститые специалисты бегом побегут.

«Да ты еще и с мозгами! – Стас быстро переглянулся с жандармом. – Совсем хорошо».

– Знаете, Саша, специалист подобен флюсу, он односто-

ронен.

– Хорошо сказали, – засмеялся студент.

– Это Козьма Прутков сказал. Мне не нужны бегающие инженеры. Мне нужен специалист с незашоренными мозгами, чтобы не молился на авторитеты, а сам думать умел. В этом плане вы мне подходите. Вот только ваши эти политические дела...

– Да бог с ней, с политикой! – вскочил со стула Александр. – Я горный инженер, а не бомбист. Ну, почти горный инженер...

– Как, Всеволод Васильевич, возможно ли оставить его подвиги без последствий?

Жандарм ласково поглядел на студента.

– Если Александр даст мне честное слово, что будет держаться подальше от политики. Право, Александр Ааронович, она порядочным людям противопоказана, поверьте опытному человеку. Мы вас не посадим, так пролетарии пришибут.

– Даю честное слово благородного человека, – помолчав, твердо сказал тот.

– Вот и славно. Теперь о деле.

Глава 9

Во владениях архангела

...Несмотря на то что стоял октябрь, по земле всюду мела поземка. Шипя паром и марая снег сажей из пыхтящей дымом трубы, паровоз дотянул состав до перрона и остановился, скрипя тормозными колодками. Из трех прицепленных вагонов-теплушек высыпал народ. Часть рабочих, выведя лошадей, принялись запрягать их в сани. Остальные переваливали груз из товарных вагонов на гужевой транспорт. Оставив инженера наблюдать за выгрузкой, Столыпин и Стас решили проехать вперед и дожидаться каравана на месте.

– Так замерзнете же, господа, – убеждал их Александр. – Там ведь деревенька небольшая.

– Ничего, Саша, – хлопнул его по плечу Стас. – Ты, главное, первым делом стройматериалы отправь. А строителей на месте найдем. Здесь зимой работу не найти, а при такой зарплате мы без людей не останемся. Балаганов они себе за несколько дней наставят и обустроят. Сосо, поможешь господину инженеру людей найти?

Джугашвили спокойно кивнул.

– Ну а теперь поделитесь со мной, – когда лошади уже бойко бежали по улицам Архангельска, спросил министр, – что за кот в мешке вы мне в подшефные сосватали?

– Это не кот, Петр Аркадьевич, это целый леопард. Как

минимум, – пошутил опер, мысленно прикидывая, как ему убедить упрямого компаньона.

– Шутки шутками, но все же?

– Этот человек – беглый революционер, большевик.

– Вы с ума сошли, милостивый государь? – после секундной паузы холодно осведомился Столыпин. – Руководить рабочими стратегического, без преувеличения, предприятия вы хотите поставить большевика? Или я чего-то не понимаю?

– Да, – спокойно ответил Стас. – Именно этот человек принесет на этом месте наибольшую пользу. Это не просто большевик, и не просто революционер. Иосиф Джугашвили в нашей истории тридцать лет руководил Россией. Он принял голодное, разрушенное, истерзанное войнами государство, превратив его в мощную индустриальную державу, с которой считался весь мир. Таких людей лучше иметь друзьями, чем врагами, не правда ли? Или я чего-то не понимаю?

Лицо бывшего премьера побагровело. Видно было, что он сдерживается лишь усилием воли.

– М-да, – вымолвил он, наконец. – Воистину, нет предела вашим сюрпризам. А Александр? Этот-то хоть обычный инженер? Или тоже какой-нибудь принц крови или, упаси боже, будущий премьер-министр при его величестве Иосифе Первом, или какой он там был?

– Нет, – мотнул головой Стас. – Тут в чистом виде сле-

пой случай. Правда, сюрприз тоже есть – его папа ювелир. И, вполне возможно, доверенное лицо «Де Бирса».

– Черт бы вас побрал! – не сдержавшись, выругался Столыпин.

Демонстративно подняв воротник, он отвернулся, глядя на лес, растущий вдоль дороги.

– И что, никаких сомнений в душе? – повернувшись, он пристально глядел прямо в глаза. – А не проще этому будущему императору пулю в лоб пустить?

– Есть сомнения, Петр Аркадьевич, и немалые, – негромко сказал Стас. – Но и ставки высоки. Убрать такую фигуру с доски, это как Наполеона выкрасть перед Аустерлицем. А уж в свой лагерь притащить – и подавно.

Тут Стас лукавил, конечно. Знай Столыпин его истинные планы, он бы ему самому пулю в лоб всадил, никак не иначе. При всей широте его взглядов он был все-таки ярким монархистом. И поделаться с этим ничего нельзя – Петр Аркадьевич таких компромиссов не признавал. И его можно было понять.

Поневоле вспомнишь крылатую фразу Черчилля о том, что демократия – наихудший строй, если не считать всех прочих. Стас, успевший от души нахлебаться «дерьмократии» в прошлой жизни, тоже совершенно искренне пришел к выводу, что монархия лучше. Если бы не одно большое «но»! Демократия, при всех ее отвратительных достоинствах, имеет одно существенное отличие от монархии –

она не передается половым путем.

Говоря образно, демократия – это как женитьба по любви или по необходимости, но какое-то подобие выбора все-таки есть. А монархия – это когда ты уже рожден женатым и изменить ничего нельзя. Постепенно познавая мир, узнаешь вдруг, что эта толстая противная дочка соседа, которую ты на дух не переносишь – твоя будущая супруга. И спасти вас может только смерть – ее или твоя. Конечно, здорово было бы, если бы эта дочка оказалась красавицей и умницей, но... В общем, монархия – это лотерея. И Николай II Романов – не тот приз, ради которого покупают билетик. Стас убил уйму времени, расспрашивая Столыпина о царе. Тот рассказывал охотно. Иногда с теплотой, иногда с досадой, но это уже имело значение постольку – поскольку. Слушая его, опер с каждым словом понимал все отчетливей – этот самодержец обречен. Будучи хорошим, порядочным в общем-то человеком, Николай свет Александрович был тем не менее полным мудаком. И это совершенно не оскорбление, а чистой воды диагноз. Причем по одной простой причине – твердые правила хороши в границах адекватности. Если они пошли вразнос со здравым смыслом, жди беды. Потому что, пробираясь через ночной лес, человек должен сознавать – тот факт, что он вроде как «царь природы», не может быть известен хищникам. А если ты, решив, что царю все можно, прешь через этот лес с факелом и песней, стоит ли осуждать медведя, который книжек не читает?

Именно твердая убежденность последнего Романова в том, что он самодержец («и протчая, и протчая»), и привела его в Ипатьевский подвал. Нельзя же, ну физически невозможно быть всевластным самодержцем и одновременно порядочным человеком. Это, если хотите, антиномия чистейшей воды! Либо ты твердой рукой ведешь свою страну к той цели, которую ты для нее поставил, либо ты сам живешь по нерушимым правилам, вгоняя сам себя в какие-то рамки. Из которых, заметим между прочим, выход нередко ведет в какой-нибудь подвал... или на плаху, кому как повезет. В этом трагедия всех великих правителей – поклонники указывают на те высоты, которые ими достигнуты, а противники, брызжа слюной, на то количество отрубленных голов, которые остались валяться на дороге к светлому будущему. При этом они начисто игнорируют то, чьи это головы и за какие такие заслуги их от тела отделили.

От любого правителя народ ждет не безупречного поведения, а конкретного результата – хорошей жизни. Это непреложная истина, и пусть бросят камень те, кто считает, что благополучие его страны для него не так важно, как то, чтобы правитель был непременно просвещенным и гуманным.

Большинству нормальных людей (Стас даже мысленно никогда не говорил «народу») наплевать по большому счету на то, что представляет собой его правитель. Если он получает зарплату, позволяющую более или менее твердо что-то планировать наперед, а в магазинах есть товары, он пережи-

вет, что «первое лицо» – не образец добродетели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.